

Украду твою жизнь

Автор:

Елена Рахманина

Украду твою жизнь

Елена Рахманина

Пламя #3

– Знаешь, что я с тобой сделаю? – уголок его губ ползёт вверх, но синие глаза остаются холодными.

Он ждёт, и я отрицательно качаю головой.

– Я сделаю так, что он никогда больше к тебе не прикоснётся. Побрезгует. Если захочу, сначала сам буду с тобой, – надавливает грубо большим пальцем на губы, давая понять, что от меня потребуется. – И тебе даже это понравится. Такой, как ты, не может не понравиться. А когда мне наскучит, отдам своим людям. Они давно не видели таких девок, как ты. Как тебе перспектива, Серафима?

Смотрю испуганно. Он принял меня за другую. За мою сестру.

Содержит нецензурную брань.

Елена Рахманина

Украду твою жизнь

Пролог

Голова гудела. Веки чугунные. Не поднять. Услышала стон. И спустя секунду сообразила – он сорвался с моих губ. Потрескавшихся до крови. Я ощущала её привкус. Язык во рту сухой, как наждачная бумага. Но ярче всего вкус от ткани, врезавшейся в рот. Чтобы не кричала. Запястья, зафиксированные за спиной, болели. Кожу от натяжения жгута жгло, словно крапивой.

Воспоминания предательски медленно возвращались, но казались ночным кошмаром. Страшным сном.

Меня похитили. Как в каком-нибудь блокбастере. Но никогда не думала, что стану персонажем подобного кино.

Я ничего толком не успела понять. События разворачивались так стремительно, что казалось, я наблюдаю за всем со стороны.

С хорошими девочками не происходят такие плохие вещи. Видимо, я была недостаточно хорошей. Где же успела накосячить?

Тело ломило, будто от высокой температуры. И я действительно ощущала жар, но не уверена, что он исходил от меня. С трудом втягивала в лёгкие спёртый горячий воздух. Но и его критически не хватало. Задыхалась.

После того как чувствительность вернулась к телу, до сознания начало доходить, что меня везут в машине. На дне фургона. Его потряхивает на ухабах. Наверняка я заработаю кучу синяков. Но это сейчас последнее, о чём мне стоит волноваться.

До слуха доносятся голоса. Но никак не могу понять, о чём говорят похитители. А потом наконец соображаю, что общаются мужчины не на русском. Этот язык я слышала раньше, но не знала.

С трудом разлепила ресницы. Вокруг тьма. Но я ощущаю, что рядом люди. Тепло их тел, резкий запах кожи, незначительные движения. А затем вновь проваливаюсь в удушающую пустоту.

Очнулась, когда поняла, что мы уже давно стоим на одном месте. Рядом никого. В грузовике темно, и кажется, что за его пределами ночь. Но, когда двери распахнулись, кабину залило ярким солнечным светом. Значит, уже наступило утро. Или день.

От долгого нахождения в темноте в глазах возникла болезненная резь. Поморщилась, застонала. Притвориться спящей не удалось.

Вздрагнула от тяжёлых шагов, когда в кабину вернулись мои похитители. Кажется, я их уже видела. Двое накачанных мужчин в чёрной форме. Когда похищали меня, их лица скрывали балаклавы.

А сейчас, видимо, решили, что им незачем прятаться, и избавились от них. Это напугало больше всего. Догадывалась, что выпускать меня на свободу никто не планирует. А я наивно утешала себя надеждой, что, получив выкуп, меня освободят...

Когда глаза вновь привыкли к темноте, я напоролась на взгляд третьего мужчину, зашедшего в кабину фургона. Сглотнула слюну от страха. Он пробирал до костей. Уверена, что не видела его никогда в жизни. Вряд ли забыла бы.

Этот отличался от своих пособников тем, как вёл себя. Словно он хозяин положения. Их хозяин. Или уже мой хозяин?

Неспешным движением он нажал на кнопку. Салон осветился тусклым светом. Первый, кто до этого додумался. И я смогла разглядеть его.

Вальяжно вытянул длинные ноги в костюмных брюках, и в глаза бросились его ботинки. Начищенные. Блестящие. Не пыльные, как у остальных. Будто он пересел в фургон из своей дорогой иномарки.

Он сидит совсем близко. На расстоянии вытянутой руки. Синие глаза отдают люминесцентным свечением. Чёрные пушистые ресницы изогнуты, обманчиво намекая на мягкость их обладателя. Но нет. Этот человек вряд ли мягкий. От него разит опасностью.

Заметил, что я изучаю его.

Но молчит. Наблюдает.

Смотрит на меня с обжигающей ненавистью. Оставляющей ожоги и незаживающие раны.

Я неосознанно сжалась, подобрала ноги ближе в попытке защититься. Сгруппироваться. Отстраниться от него.

- Что, дрянь, нравятся новые хоромы? - задаёт вопрос, а я даже не сразу соображаю, что он обращается ко мне. Хлопаю на него слипшимися от слёз ресницами и смотрю испуганно. Недоумённо.

Что я ему сделала? За что он так со мной?

Пискнула, сама не зная, что сквозь кляп. Ему это не понравилось. Захотелось услышать мой голос?

Поймал мои волосы, не так давно красиво уложенные в локоны, намотал на руку и притянул к себе. Морщась, сама приблизилась к нему в попытке избежать боли.

От долгого лежания всё тело затекло. Я с трудом чувствовала конечности. Тут же повалилась бы на бок. Ноги словно испарились. Но его сил хватило, чтобы удержать меня на коленях.

В отличие от меня, от него хорошо пахло. Свежестью. Изысканным одеколоном. Накрахмаленной рубашкой. Кожей салона автомобиля и мягким ароматом табака. Моя же одежда пропиталась потом и страхом. Как давно мы едем? Сознание путалось. Меня наверняка чем-то опоили.

Его палец оказался за тканью, перетягивающей мой рот. Опустил её вниз. На шею.

- Тут можешь кричать сколько влезет. Никто не услышит и не поможет, - обращается ко мне. Голос грубый. С хрипотцой.

Акцент лёгкий, едва заметный. Будто он прожил долгое время за границей. Не в России. И уж точно не на Кавказе, хотя его борода, скрывающая нижнюю половину лица, намекала на обратное.

- Пить, - еле ворочая языком, прошу.

Кричать... Смешно. Я едва услышала собственный голос.

Он смотрит на меня как на грязное, дикое животное. С отвращением и ненавистью. Оставит умирать от обезвоживания? За время пути, мне кажется, вся влага выходила через поры. Жара стояла несусветная. Голова гудела. Должно быть, фургон от палящего солнца нагревался, как сковородка. И лишь скудный поток холодного воздуха от кондиционера не дал мне задохнуться.

Смотрит на своего пособника, а тот будто только и ждал знака, заглядывая в рот к синеглазому, чтобы предвосхитить его желания. Но не из раболепного поклонения, а из страха. Я ощущала этот запах, так как уже знакома с ним. Дрожащими руками передаёт бутылку.

Главарь большим пальцем прокручивает крышку, делает глоток и только после этого приставляет горлышко к моему рту. Наплевав на брезгливость, я с жадностью поглощаю жидкость. Капли воды текут по подбородку. Губы онемели оттого, что рот был долго перетянут. С трудом справляюсь с мимикой.

Дав мне напиться, он убирает бутылку, сжимает мои спутавшиеся волосы на затылке и смотрит в глаза. Будто что-то хочет в них отыскать. Найти разгадку. Сначала в один заглядывает, затем во второй. С каким-то диким, одержимым выражением.

- Тощая, худая, как шпала. Что же он в тебе нашёл?

Хмурюсь. Свожу брови в недоумении. Кто «он»? О ком говорит похититель? О Владике? Пытаюсь хоть в чём-то разобраться, но не могу.

Незнакомец впивается пальцами в челюсть, будто хочет вырвать её, и изучает черты лица. Кожа грязная, тушь от слёз стекла на щёки. Большим пальцем проводит по скуле, царапая шершавой подушечкой.

– Знаешь, что я с тобой сделаю? – уголок его губ ползёт выше, но синие глаза остаются холодными. Убийственно спокойными. Словно не радужку рассматриваю, а кладбище, на котором только ветер поднимает вверх сухие ветки. Могильник.

Мне не хочется знать ответ на этот вопрос. Мне хочется только проснуться и понять, что это всего лишь сон. Уткнуться в подушку, зажмурив глаза, и выдохнуть с облегчением. Но, как ни впиваюсь ногтями в ладонь, пробуждение не наступает.

Он ждёт, и я нерешительно качаю головой. Отрицательно.

– Я сделаю так, что он никогда больше к тебе не прикоснётся. Побрезгует. Если захочу, сначала сам буду трахать. В рот, – надавливает грубо большим пальцем на губы, – и во все остальные твои дырки. И тебе даже это понравится. Такой шлюхе, как ты, не может это не понравиться. А когда мне наскучит, отдам своим людям. Они давно не видели таких девок, как ты. Как тебе перспектива, Серафима?

Буквально на один миллиметр отшатываюсь от него, смотря не только испуганно, но и недоумённо. Он принял меня за другую. За мою сестру.

Глава 1

Опустила глаза на белую салфетку, лежавшую на коленях. Сжала её в кулаке. Отец всегда твердит, что хорошо воспитанные девушки не должны показывать эмоции. А я ощущаю скрежет собственных зубов. От злости. С каждой секундой мои нервы натягивались всё сильнее, превращаясь в тонкую нить, разрывающуюся на волокна. Медленно выдыхаю и поднимаю ресницы на того, кого отец выбрал мне в мужа.

Мои губы, вопреки воле и отцовской муштре, искривляются в отвращении. Но мой жених ничего не замечает. Оценивает меня. Елозит по моему скромному платью сальным взглядом. Наверняка фантазирует о том, как будет мять моё тело толстыми пальцами в первую брачную ночь. От этой мысли тошнота

подкатывает к горлу.

Хочется подняться из-за стола и скрыться из этого дома. Бежать так далеко, как только могу. В любую глушь. Туда, где меня никто не знает и никогда не найдёт.

- Ты будешь делать то, что я говорю, Анна!

Отшатываюсь, когда отцовский кулак встречается со столом. Он в ярости брызжет на меня слюной. Ужин закончился, гости ушли, и он может не скрывать своего недовольства. Ведь я так холодно и отстранённо приняла известие о скорой свадьбе.

- Ты моя дочь, а ведёшь себя как шалава! Такая же шлюха, как твоя мать. Знал бы, что вырастешь такой неблагодарной тварью, предохранялся бы.

Вздрагиваю от этих слов. Он никогда не бил меня. Ладонью. Лишь словами.

Не понимаю, чем заслужила подобные обвинения. Я ведь никогда и ни с кем... Так, только целовалась. Почти невинно. С ровесниками в коридоре гимназии. Оттого становится ещё больнее. Несправедливость ранит глубже, иголками проникая под кожу.

Хотелось бы мне уметь не чувствовать. Ничего не ощущать. Но спектр моих эмоций ярче радуги. И сейчас они серые, как пепел и грозовые облака. Как пыль, поднимающаяся в воздух при порыве ветра.

Я морщусь, губы дрожат. Сжимаю их. Отец терпеть не может моих слёз. И всегда запрещал мне плакать. С самого детства. С того дня, как нашёл меня и привёл в свой дом.

Порой меня посещала болезненная мысль. Обратил бы он внимание на шантаж моей матери, сообщившей ему, что, оказывается, у него есть ребёнок, если бы его жена могла иметь детей? Только бог не подарил ему никого. Лишь меня. Не повезло...

Он привёл меня в свой дом, а его супруга наряжала чужую девочку, как красивую куклу, в нелепые наряды. Выводила в свет и знакомила с подружками,

показывая им, какой у неё красивый ребёнок появился. А наедине тихо ненавидела меня. Ведь я плоть от плоти собственной матери. Да, шалавы и потаскухи, всё верно. И порой казалось, будто все ждут, когда, как чёрт из табакерки, из меня выпрыгнет сущность моей матери. Вернее было бы сказать, сучность.

Да, я действительно не нуждалась ни в чём материальном. Но ни любви, ни тепла так и не получила.

Однако отец ни дня не давал мне забыть, как облагодетельствовал меня. Что без него я бы прозябала в нищете. Но разве заботиться о своём ребёнке не было его обязанностью и долгом?

– Он старик, папа! – закрываю лицо руками, не понимая, как до него донести простую истину. Как он представляет, что я выйду замуж почти за его ровесника?!

Но он не слышит. Словно бьюсь о глухую стену.

– Я столько дал тебе! Кров, лучшие школы, репетиторы, хореографы, ты никогда ни в чём не нуждалась, и теперь, когда у меня проблемы, ты отказываешься выполнить одну-единственную мою просьбу!

Мне так хотелось кричать в ответ такие же колючие обвинения. Что я не просила меня рожать. Не просила себя зачать. Не просила даже забирать от тётки, давшей мне временный приют. Перед тем, как меня бросили бы в детский дом. Как бесхозную, никому не нужную игрушку. За одним исключением – старшей сестры.

Я смотрела в его блёклые глаза, ставшие сейчас такими яростными и чужими, и не понимала, зачем он меня забрал. Почему не оставил там. Сестра позаботилась бы обо мне.

Одёргиваю себя. Я уже не маленькая, чтобы жаться к её юбке. Должна сама справляться.

– Но, папа! – вопреки воле по щекам текут слёзы, в ответ на мои чувства лицо отца искажает отвращение. – Мне только восемнадцать завтра! А ему за пятьдесят!

И я ведь люблю отца. Странной болезненной привязанностью к тому, кто не ответит теплом и взаимностью. Любовью нелюбимого никем ребёнка. Серафиму хотя бы папа любил... а меня. Только она.

Он выдыхает. Резко, как лошадь после скачки. Фыркает. Последнее время его здоровье всё слабее. Из-за больного сердца порой трудно дышать. Поэтому я прикусываю до боли язык. Стать причиной отцовского инфаркта совсем не тот груз, который хочется носить до скончания веков на плечах.

– Ты не понимаешь, дура, на кону всё, что у меня есть! Вся моя собственность, бизнес и деньги! Если этой свадьбы не будет – я всё потеряю, и ты тоже!

Замираю. Пытаюсь понять, врёт ли. Вряд ли. Отец не тот человек, который унился бы до подобной лжи.

Сглатываю тугой ком, мешающий вздохнуть. Если мысль побежать к сестре и попросить помощи меня до этих слов утешала. То сейчас я ощутила всю безвыходность ситуации. Она сможет помочь мне избежать свадьбы, но выручать отца точно не захочет.

– Хорошо, папа, – выдыхаю ртом горячий воздух.

– Свадьба в следующем месяце, – он передаёт мне свою платиновую банковскую карту, – можешь ни в чём себе не отказывать. Выбери самое красивое платье.

Глава 2

Поплелась в свою комнату, с трудом передвигая ноги. Завтра день рождения. Моё восемнадцатилетие.

До этого вечера я думала, что впереди меня ждёт учёба в университете, волонтерство в приюте для животных и посиделки с друзьями.

А оказывается, я должна, как жертвенный ягнёнок, пойти на откуп за бизнес отца и терпеть рядом чужое тело. Зажмурилась от отвращения. Я не смогу. Не сумею!

У-у-у... выть хотелось.

Я секс откладывала, парням отказывала, потому что не влюблялась никогда по-настоящему. Мне иногда казалось, что я и неспособна полюбить. Все мои ровесники в белых кедах и брюках с подворотами не возбуждали во мне ни интереса, ни желания.

А теперь моё тело послужит благой цели. Ведь отец получит за меня деньги. Верно же? Как противно...

Закрываю дверь в свою спальню и набираю дрожащими пальцами телефонный номер. Не прошло и секунды, как трубка была снята.

– Аня, привет! – раздаётся радостный голос моего друга. Парня, которого я заточила во френдзону со старших классов школы. Я любила его, но как-то по-детски. Платонически. Не могла представить себе интим с ним.

Один раз он отважился и мазнул по моим губам влажным поцелуем. Я замерла, смотря на него испуганно. Пытаюсь разобраться в собственных ощущениях. Найти отголоски возбуждения. Но ничего кроме желания немедленно вытереть губы салфеткой не испытала.

Может, я какая-то испорченная, сломанная? Почему так?

Он понял всё по моему лицу и больше не предпринимал попыток. Но всегда находился поблизости. Надеялся и ждал. Девушки рядом с ним менялись с завидной регулярностью. Одна симпатичнее другой. И меня это успокаивало и устраивало. Пока на большее я готова не была.

Но чувствовала, что стоит его позвать – он придёт.

– Влад, привет, – отвечаю ему, сползая по деревянной двери на пол. Теперь, когда отца нет рядом, слёзы хлынули с такой силой, будто треснула дамба. Отчаянно хотелось пореветь в чью-то жилетку, а сестру расстраивать – нет.

– Солнце, что случилось? Ты плачешь? – взволнованно задаёт вопрос. И я чувствую, как, слыша мой плач, он тут же срывается с места, готовый бросить всё и бежать ко мне.

С моей стороны всегда было очень эгоистично держать его рядом, зная о влюблённости. Не отвечая взаимностью. Но он мой самый близкий друг после сестры, и в одиночку разрубить наши узы я была не в состоянии.

Судорожно вздыхаю, пытаюсь унять слёзы, мешавшие говорить.

– Отец хочет выдать меня замуж, – произношу, понимая, что для Влада эти слова звучат как атомная бомба. И я впервые слышу, как друг при мне матерится.

– Ахереть, ты серьёзно?

– К сожалению. Ему нужны деньги, а его партнёру – я, – с отвращением поясняю.

– Чёрт, Аня, это жесть. Просто жесть! Ты не должна на это соглашаться! Я планировал послезавтра присоединиться к родителям в Греции, полетели со мной! Моя мама тебя обожает и будет очень рада! Перед учёбой всё лето. Может, за это время твой отец одумается и найдёт другой способ найти средства?!

Его предложение звучит так заманчиво. Так просто. Уехать и забыть обо всех заботах. Но что станет с отцом, если я уеду? Вдруг он не справится, вдруг от переживаний ему сделается плохо, а меня не окажется рядом?

– Нет, я не могу, – отказываю, ощущая лишь груз вины и ответственности.

– Можешь, – уверенно говорит друг, – я куплю тебе билет сейчас же, а завтра ты сама решаешь, полетишь со мной или нет. У тебя будет весь завтрашний день, чтобы определиться, хочешь ли ты плясать под дудку отца или получить свободу.

Влад был прав. Я понимала, что отец мной манипулировал. Тонко. Продуманно. Но выхода всё равно не видела. Уснула заплаканная, с тяжёлой головой.

Утром отец делал вид, что вчерашнего разговора не было. Скупно поздравил с совершеннолетием, ведя себя как обычно – отстранённо и холодно.

– Надень это, – передаёт мне чёрный бархатный коробок.

Сначала я с чего-то решила, что это подарок. Но отец никогда не дарил мне подарков. Только деньги. Поэтому, очнувшись, нерешительно смотрела на коробочку.

– Что это? – уточняю, беря в руки, будто он мог подсунуть мне что-то смазанное ядом.

Подняла крышку и обнаружила вычурное обручальное кольцо.

– Подарок от будущего мужа. Надень, – строго требует отец.

От его тона мои плечи сводит судорога.

Кольцо некрасивое. Совершенно не в моём вкусе. Жёлтый цвет золота не подходил к моему цвету кожи. Решила не спорить. Кину через пару дней его в коробку для украшений и забуду. А пока вытащила и нацепила на безымянный палец. Пришлось впору. И жгло.

Приняв этот подарок, я вернулась в комнату и зачем-то положила загранпаспорт вместе с папиной банковской картой в сумочку. Мысль согласиться на предложение Влада казалась всё слаще.

Звонок в дверь, и я несусь к выходу со всех ног. Соскучилась. Дико, до трясучки.

Сестра, как луч света, залетает в дом, стоило горничной ей открыть, и я тут же кидаюсь в её объятия.

– Анька, – визжит она, заражая своим весельем. Красивая, счастливая. Обнимаю её, окунаясь в запах её волос, такой родной и знакомый, что он оказывает на меня эффект сильнодействующего антидепрессанта. – С днем рождения, Пирожочек! Люблю тебя больше всех!

– Врёшь, Спичка, никого не любишь больше своего мужа, – отрываясь, смотрю в её лучезарные глаза, а губы сами расплываются в улыбке.

Её щеки на мгновение покрываются довольным румянцем. Как же, мужа её вспомнили. Дорогого и обожаемого Ратмира Сабурова. Мужчину, который жизни не представляет без неё.

Ах... хотела бы я, чтобы меня любили с такой силой. Когда они смотрели друг на друга, мне казалось, воздух вокруг начинает искриться. Одно неловкое движение – и произойдёт возгорание.

– Это другое, Пирожочек. Тебя я люблю по-особенному, – говорит так пылко, что ей невозможно не поверить.

Да мне и не нужны слова. Чувствую её любовь. Сама её обожаю. Больше всех на свете. У неё в моём сердце нет конкурентов. Если и был на земле человек, за которого я без промедления отдала бы жизнь, – это, несомненно, Серафима.

Сестра заботилась обо мне несмотря на то, что сама была ребёнком, когда обнаружила меня на пороге квартиры. Дома, где жила вместе с отчимом из-за нашей непутёвой матери. И дедом с бабушкой.

Никогда не забуду тот день. Каждый раз, когда он всплывал в памяти, хотелось плакать. В голове блёклой картинкой, как помутневший фотоснимок, сохранилось воспоминание о том, как мама, сжимая мою ладошку, торопливо вела меня по улице. А я шла и гордилась ею. Ведь она была такой красивой. Статная, высокая. Яркая. Все говорят, что мы с Серафимой – вылитые наша мать. Сами похожи друг на друга, как близняшки. Все в неё.

– Анята, – мама присела передо мной на корточки, подтянув короткую юбку, открывающую бесконечно длинные ноги, – тебе нужно пожить в этом доме. Тут о тебе позаботятся. А я тебя обязательно заберу, когда всё наладится.

Только ничего так и не наладилось. Никогда. А я ведь верила ей. Ждала. Каждый день ждала. И если бы не сестра... что бы со мной стало?

Ведь я Серафиме на самом деле не нужна была. Она молоденькая девчонка. Едва способная позаботиться о себе. И взвалила на свои хрупкие плечи непосильную ношу. Чужой ребёнок, которого она увидела в первый раз. Нагулянный матерью с очередным хахалем.

Глава 3

Встряхнула головой, забравшись в машину сестры. Стоило покинуть пределы особняка, как я смогла вздохнуть полной грудью. Будто сбросила с плеч оковы.

Спичка весело рассказывала про успехи Мишки, а мне оставалось только умиляться проказам любимого племянника.

– Офигеть, Пирожочек, ты вылитая я, – с восторгом рассматривает меня сестра, после того как я вышла из примерочной в выбранном ей платье. Коротеньком, бледно-розового цвета. Выглядевшем на мне почти невинно, если бы не длина – экстремально короткая. – Просто ксерокопия.

– Отец мне каждый день ставит в вину, что я копия Инны, – закатываю глаза.

Сестра тут же напрягается, вставая в боевую стойку.

– Ты всё ещё ей помогаешь? – прищуриваясь, спрашивает.

Ох, зря я произнесла имя нашей биологической матери. Биологической, потому что кроме ДНК в нас от неё ничего нет.

Сестра её ненавидела. Люто. За меня и за себя. А я... я так хотела любви, что готова была платить ей деньги за добрые слова. За сладкую ложь. Умом понимала это, а сделать с собой ничего не могла.

Опускаю глаза, чтобы сестра не видела моего смятения. Но она знает меня лучше всех. Я себя так не знаю, как она. Видит насквозь по самую душу.

- Спичка, она же наша мама, - робко начинаю оправдываться.

- Пф! Никакая она не мама, Аня, о чём ты? Она бросила нас! Нас обеих! Нет у нас матери. Я тебе заменила и маму, и папу, забыла?

Качаю отрицательно головой.

- Ничего не забыла, ты же знаешь. Но ты не представляешь, как плохо она выглядела, - кусаю губы, вспоминая, - так, будто следующая ступень - побираться с бомжами на мусорке.

Лицо сестры в этот момент жёсткое. Даже жестокое. Она усмехается, слыша мои слова.

- Ты с детства собирала всех приبلудных животных. Вот и матери настал черёд. Но этой там и место, Аня. Некоторые вещи не стоит прощать. Она не заслуживает твоего внимания.

Умалчиваю от сестры сумму, которую уже отдала матери. Уши горят.

- Ладно, - смягчается сестра, - чёрт с ней. Пошли танцевать.

- А ты в чём пойдешь? - осматриваю её светлый брючный костюм. Красивый, но для ночного клуба не подходит. - Понимаю, что Сабуров сгорит от ревности, но ты должна быть в таком же платье!

Серафима заливисто смеётся. Ей хочется пощекотать нервы супругу. Облизывает плотоядно губы, и я представляю, какой горячей будет их следующая встреча.

Мы выбрали ей наряд. Почти такой же, как у меня. Один в один. Разница минимальна. У меня рукава-воланы, а её платье держится на тонких бретелях. А цвет и длина ничем не отличаются.

Моя сумка не подходила. И Сера подарила мне крошечную симпатичную сумочку, в которую я покидала всё необходимое. А свои вещи оставила в багажнике её мерседеса.

Спичка долго пыталась меня о том, как я хочу встретить своё восемнадцатилетие. С кем. Кого ей пригласить. А я никого не хотела видеть.

У меня имелись подружки, с которыми мы договорились посидеть в кафе на выходных. Но в день рождения я желала быть только с сестрой.

Сера привела меня в дорогой ночной клуб. Я редко заглядывала в подобные заведения. Окружённые её охраной, стоявшей неподалёку и везде преследовавшей нас, мы спокойно танцевали. Желающие подойти если и попадались, то на их пути тут же вырастал кто-то из амбалов Сабурова. А ещё, готова поспорить, и сам муж моей сестры был где-то рядом.

На мгновение, когда вынесли небольшой торт с горящей свечкой, мне сделалось грустно. Потому что совсем не понимала, что ждёт меня дальше. Гнала от себя мысли о предстоящем замужестве, мечтая, что всё разрешится само собой. И одновременно знала, что, если пушу на самотёк, – окажусь под венцом.

Натанцевавшись, мы вышли на воздух. В клубе душно, задымлено кальяном, а сестра пожаловалась, что у неё кружится голова.

– Сер, – опускаю взгляд на брусчатку, осторожно подбирая слова, – отец хочет выдать меня замуж.

Сестра склоняет голову, рассматривает, будто не узнаёт. Глаза сделались стеклянными.

– Что? – холодно переспрашивает, хотя отлично слышала вопрос.

– У него проблемы какие-то с бизнесом, – снова опускаю взгляд, – и этот брак – единственный способ их решить.

– Я надеюсь, ты его послала?

Жмурюсь.

- Сер, он мой отец. Я не могу его послать.

- Аня, - злится сестра, - ты понимаешь, что выходить замуж ради бизнеса отца - это глупость?

Согласно киваю.

- Ты сейчас поедешь со мной. И в дом своего папаши не вернёшься.

Ведь подозревала, что она так и скажет. Даже надеялась на это. Но внутри вдруг вырастает протест.

- Нет, Спичка, - смотрю наконец на неё. Упрямо. - Я взрослая. Давай я сама решу свои проблемы.

Я даже близко не такая отчаянная, как она. Но, находясь рядом, заряжалась её энергией. Кусаю губы.

- Я улетаю сегодня с Владом в Грецию, - твёрдо говорю первое, что приходит в голову. И вдруг это решение кажется логичным и правильным. Единственно верным.

Расслабляется. Губы изгибаются в улыбке.

- Ты, конечно, его не любишь, - авторитетно заявляет, усмехаясь. - Ты как я, тебе не понравится парень, не поднимавший в жизни ничего тяжелее члена. Но сбежать вместе с ним - неплохая идея. Главное, предохраняйтесь.

Её слова вызывают смех, который прекращается в то мгновение, когда я вижу её мужа, выходящего из автомобиля. Ратмир не идёт к нам. Останавливается, прислоняясь к машине. Складывает руки на груди и ждёт. Не может и вечера провести без жены.

- За тобой приехали, - киваю в сторону мужчины.

Она не оборачивается. Просто мечтательно улыбается.

– У нас будет ребёнок. Рат ещё не в курсе. Ты первая, кто об этом знает, – сообщает мне, а у меня на глаза тут же наворачиваются слёзы радости. Во всём, что касается Серы, я размазня.

Порывисто обнимаю её. Муж давно её уговаривал на второго ребёнка, но Сера откладывала. Считала, что ещё рано. И вот наконец решилась.

– Я так рада за тебя, – шепчу ей в ухо.

– Спасибо, Пирожочек. Только я теперь буду за тебя волноваться. Пообещай, что придёшь ко мне, если что-то случится. И уезжай от отца.

– Хорошо, – киваю.

– Мы с Ратом на днях уедем в Италию. Если тебе надоест в Греции, присоединяйся.

Часы показывали уже полночь. Самолёт Влада через пару часов. Если повезёт и отец не заблокирует карту, то всё необходимое для поездки на море я смогу купить в аэропорту. Возвращаться домой я не планирую.

– Хорошо, – целую её в щёку, – если не буду некоторое время писать, то это потому, что не хочу, чтобы отец выследил. Не волнуйся за меня. Тебе нельзя.

– Береги себя. Я уеду с мужем, а ты садись в мою машину. Водитель отвезёт тебя, куда скажешь. Люблю тебя больше всех.

– Нет. Это я люблю тебя больше всех, – обнимаю её на прощание ещё раз. И чувствую какую-то странную тоску. Будто нескоро нам предстоит увидеться.

Гоню от себя эти мысли. Ерунда.

Мы расстаёмся. Охрана ей сейчас не требуется. Ратмир рядом, переживать не о чем. И её верные псы, смотрящие на неё щенячьими глазами, сопровождают меня к её мерседесу. Я теряюсь в их окружении. Оборачиваюсь на Спичку, но не

вижу её.

Сев в автомобиль, получаю сообщение от Владика, что, если хочу, могу поехать с ним в аэропорт. Это кажется хорошей идеей, чтобы не искать друг друга на месте.

Пишу ему СМС-сообщение, что еду.

Водитель настроил радиоволну на какой-то канал, где транслировали неспешный джаз. Я прислонилась лбом к прохладному стеклу. В груди пустота. Так хотелось испытывать чувства, сравнимые по силе с любовью сестры к мужу. И мне делалось страшно от мысли, что я какая-то прокажённая. И не смогу никогда полюбить с такой силой. А если не так любить, то зачем оно вообще всё?

Автомобиль остановился на светофоре. Боковым зрением увидела какой-то странный комочек. Напряглась, поняв, что это котёнок.

– Остановите, пожалуйста, – прошу водителя. Он тут же исполняет просьбу.

Вышла из машины и поняла, что не ошиблась. На обочине пищал совсем маленький котёнок. Месяц от силы. На глаза навернулись слёзы от мыслей, что его кто-то выкинул.

Посмотрела на часы. Перед вылетом ещё было время.

Глава 4

Не дышала. Только смотрела на него. И думала. За эти секунды, пока я тонула в синем омуте его радужки, перед глазами пролетела вся жизнь. Рефлекторное желание сознаться, что я не Серафима, подавила в себе мгновенно. Прикусила язык до боли. До крови. И пыталась понять, что случилось бы, скажи я правду.

Меня бы никто не отпустил. Смешно даже думать об этом. Может быть, убили бы тут же на месте как лишнего и случайного свидетеля. Чтобы не могла предупредить Сабурова об опасности. Или пустили бы в расход – развлекать людей Ямадаева, которыми он меня пугал.

Не сомневаюсь в одном – охота за сестрой продолжилась бы, и когда-нибудь он оказался у цели. А она – на моём месте.

Я понимала, кто передо мной. Сестра в подробностях рассказала жуткую историю, случившуюся с ними в злополучную ночь пару лет назад. Когда в один момент был убит партнёр её мужа – Мураз Ямадаев. Жена Ратмира погибла в автокатастрофе. И дядя Мураза Ямадаева. И все они умерли благодаря Сабуровым. Моей сестре и её мужу. Ненависть этого человека к моей семье вполне объяснима.

Сказать, что данная информация меня тогда шокировала, – ничего не сказать. Но сестра исповедовалась мне не для того, чтобы облегчить душу.

Сера и Ратмир полагали, что когда-нибудь младший брат Мураза обязательно объявится. И я должна была быть начеку. На связь с ними он не выходил, несмотря на все попытки Ратмира. Ясно, что мира можно будет достичь лишь через войну. В которой кто-то погибнет.

И если это буду я, то так тому и быть. Но не моя беременная сестра.

Ещё не так давно я была уверена, что не окажусь в ситуации, когда придётся выбирать. Моя жизнь или жизнь другого человека. Только это не враг. А самый близкий мне человек...

– Сабуров тебя уничтожит, – говорю с полной уверенностью в своих словах.

Когда он узнает о плане Ямадаева, он впадёт в такую ярость, что мало не покажется никому. От одной только мысли, что Серафиму у него пожелали забрать.

Лицо мужчины принимает довольное выражение. Будто разозлить Сабурова – именно то, чего он хочет добиться. Ему не страшно. Он испытывает азарт от

предстоящей бойни.

Он никак не реагирует на сказанное. Отпускает, вмиг потеряв интерес к моей персоне. Переводит внимание на своего пособника.

Я припадаю к стене, наблюдая за похитителями. Пытаюсь определить, что ждёт меня дальше.

– У неё что-то было при себе? – обращается к мужчине, будто меня тут и нет.

Его голос меняется. Становится ещё грубее. Резче. Хотя, когда говорил со мной, мне и без того казалось, что я вот-вот описаюсь от страха. Не завидую я тем, кто на него работает. От него разит смертельной опасностью. Даже люксовые шмотки неспособны скрыть тёмную сущность. Будто смерть его преследует по пятам, и он заражает ей всех вокруг. Кроме себя.

Я судорожно пытаюсь вспомнить, что сложила в маленькую сумочку, с которой была в ночном клубе. И молилась, чтобы в ней не обнаружили загранпаспорт и платиновую банковскую карту, с выгравированным на ней именем моего отца.

Мой похититель сразу всё поймёт. Меня охватывает ужас такой силы, что я физически ощущаю гибель нервных клеток и белеющие в седину волосы.

– У неё было это, – похититель протягивает мой клатч.

Нервно наблюдаю, как главарь берёт его в руки и выбрасывает на пол всё содержимое. По одному предмету. Нет, сумочка слишком маленькая. В неё не поместился бы паспорт. Только бы не поместился, господи!

Вон летит блестящий тюбик помады, зеркальце, спиртовая салфетка, упаковка жвачки, тысячная банкнота, которую я закинула на всякий случай.

– Ещё она сжимала в руках вот это, – передаёт упаковку пауча.

Хмурюсь. Клянусь, не могу вспомнить, как она у меня оказалась. Из-за шока в голове лишь отрывочные воспоминания. Часть из которых стёрлась страхом.

Медленно выдыхаю, оседая на пол, как сдувшийся воздушный шарик. Главное они не нашли. Значит, паспорт и банковскую карту я всё же оставила в своих вещах в автомобиле сестры.

Мой похититель недоумённо рассматривает пауч. Вертит его в руках. В его мозгу явно не складывается картинка. Моё вечернее платье, крошечная сумочка и влажный кошачий корм.

– Китекет, значит, – сводит тёмные брови.

Жёлтый отблеск лампочки, освещавшей фургон, причудливо падал на мужчину. Создавая зловещую игру света и тени.

Я почему-то не могла отвести от него взгляда. Изучая его. Тёмные волосы зачесаны назад, но одна прядь выбивалась, смазывая картинку безжалостного убийцы. Но, безусловно, он им является. Я знала это шестым чувством. Передо мной монстр в красивой оболочке. Он – плохой. Он не пощадит меня.

И если ему понадобилась Серафима, то для того, чтобы пробраться под кожу её мужу. Совершив самую извращённую и безжалостную месть. Забрав у Сабурова самое дорогое – любимую женщину.

Представила, что он мне приготовил, и мышцы свело судорогой. Надо придумать план побега, иначе он меня уничтожит. Физически и морально. Раздавит.

Взмах ресницами, и синева его глаз вновь сосредоточена на мне.

– Меня зовут Якуб Ямадаев. И теперь, Китекет, твоя жизнь зависит от меня.

Глава 5

«Приятно познакомиться» в такой ситуации не скажешь. «Чтоб ты сдох» тоже не подходит. Меня подобный исход может встретить раньше. А я жить хотела. Лишь сейчас поняла, как отчаянно и сильно. Только бы выбраться из его лап.

Якуб не ждал от меня никаких комментариев. Поставил в известность и поднялся.

Бросил какую-то фразу своим наёмникам не по-русски и покинул фургон, пригибаясь из-за высокого роста. Меня тут же взяли под руки и вывели наружу.

Оглядевшись, сообразила, что нахожусь не в какой-то глуши, куда, думала, меня привезут. А во «Внуково». Аэропорт, из которого вылетают частные самолёты. У моего отца не имелось столько денег, чтобы пользоваться подобными видами транспорта. Но мне довелось «покататься» на таком с Сабуровыми.

Серафима упоминала, что Ямадаев-младший затаился, зализывая раны и восстанавливая силы после смерти брата. Но, когда я увидела, как он переступает своими длинными ногами трап джета, стало очевидно, что раны уже затянулись. Финансовые по крайней мере.

Один из пособников толкнул меня в спину, заставляя идти вперёд. А я оглядываюсь в поисках сотрудников аэропорта. Как назло, поблизости никого. Но ведь внутри должны быть пилоты, стюардесса. Хоть кто-то неравнодушный...

Самолёт так и кричал о богатстве его обладателя. Даже если это арендованный джет. Понятно, что эконом-классом меня бы не перевезли в то место, куда, по всей видимости, планируют. Разве что в чемодан засунули... С Ямадаева бы случилось.

Поднимаюсь в самолет с завязанными за спиной руками. В красивом, но поистрепанном вечернем платье. Если кто и увидит сейчас меня, решит, что ведут девочку для утех. Извращённых, конечно. Никому и в голову не придёт, что это настоящее похищение.

Внутри меня не встретил экипаж. Толкнули к креслу Якуба, который в нём вольготно расположился. И наблюдал за моим падением, как за представлением.

Запутавшись в своих ногах, я больно ушиблась коленями. Ворс ковра смягчил удар. Но не унижение.

Короткое платье задралось до самых трусиков, а зафиксированные за спиной руки не давали возможности с достоинством поправить юбку. Я отползла от Ямадаева чуть-чуть назад. Как неуклюжий краб. Не в силах оторвать взгляда от его лица. Как бывает, когда смотришь в глаза дикому животному, которое может вот-вот на тебя наброситься и растерзать.

Нет. Желания в его глазах я не обнаружила. Лишь сосредоточенное изучение жертвы. Он забавлялся, наблюдая за моими нелепыми потугами.

- Что, шалава, так смотришь на меня? Понравился? - ухмыляется. - Уже хочешь отсосать мне?

Его предположение тут же рождает волну жгучего гнева в груди. Он кипит. Клокочет до такой степени, что меня начинает потряхивать. Не от страха. От злости.

Но я так зла, что захлёбываюсь в нём, не в силах придумать достойный ответ. Открываю и закрываю рот. Мозг коротит и защитные реакции падают. Зыбываю, что я жертва похищения.

- Отсоси берёзовый сок у берёзы, козёл, - выдаю первое пришедшее в голову, - ты даже рядом не стоял с Сабуровым.

Называть Ратмира своим мужем у меня язык не поворачивается. Но вступить за честь сестры обязана. Как бы она себя вела с похитителем? Убила бы на месте взглядом. Испепелила к чертям.

Его движение было таким ловким и быстрым, что я не успела на него отреагировать. Увернуться или отползти ещё дальше.

Он приподнялся с кресла, схватил в охапку мои волосы и с такой силой притянул мою голову к себе, что мне казалось, он намерен снять с меня скальп. Я взвизгнула громко. Тонко. От дикой боли.

- Тебя муженёк не научил послушанию, так я научу, - произносит спокойно. Вкрадчиво. От этого голоса холодные мурашки поползли по спине, шее, к самому черепу, обхватывая его ледяным страхом. - И ты будешь делать всё, что я

пожелаю. После того, как отмоешься. От тебя разит.

Якуб разжимает кулак, в котором держал мои волосы, и толкает меня от себя. Будто я ему действительно неприятна. Противна. И чтобы находиться со мной рядом, ему нужно преодолевать отвращение.

Отползаю назад, как змея, которой наступили на хвост. Вжимаясь в первый попавшийся угол. Через минуту наше уединение разбавляют его люди. И вскоре частный самолёт начинает движение.

Всё физиологические потребности на фоне стресса замедлились. Но сейчас я отчаянно захотела пописать.

- Мне нужно в туалет, - тихо сообщаю.

Где-то я читала, что если появилась угроза изнасилования, то девушке, чтобы отвлечь от себя насильника. Например, прямо во время нападения помочиться. Или совершить ещё что-то, что может остановить маньяка. Всё что угодно. В такой ситуации все способы хороши.

Должно быть, я ещё не дошла до этой стадии. И сведя бёдра, ожидала ответа.

- Отведи её, - приказывает пособнику.

Тот резко поднимает меня на ноги. Не смотрит в мою сторону. Как не смотрели люди Ратмира. Они всегда опускали глаза в пол в моём присутствии. Но подобного отношения от похитителя я не ожидала. Видимо, пока не получит обратного приказа, я для него остаюсь под запретом.

- Развяжи ей руки, - раздаётся голос Якуба, - не хочу, чтобы она заляпала весь туалет.

Краска стыда тут же омывает моё лицо. До жжения. Я смотрю на него и понимаю, что ненавижу этого чужого человека всеми фибрами души.

Глава 6

Стоило освободить запястья, как кровь тут же устремилась к пальцам, лишив их чувствительности. Будто их отрубили. Мой красивый маникюр канул в Лету. Ногти обломаны. Вероятно, я боролась, потому что обнаруживаю под ними запёкшуюся кровь. Ах, жаль, что это было не лицо Якуба. Животное.

Но вид собственного отражения в зеркале заставил вздрогнуть. Мой вечерний смоки айс размазан по всему лицу тёмной сажой, на щеке ссадина. Кто из них меня ударил?

От обиды и жалости к себе на глаза наворачиваются слёзы, но я глушу зарождающиеся рыдания. Не время плакать. Нужно как-то выбраться из ловушки. Только куда меня везут? Сколько понадобится времени моей семье, чтобы понять, что я не в Греции? А Владик? Всё зависит от него. Если он позвонит моей сестре и спросит, почему я не приехала...

А если нет? Если они все будут считать, что я в безопасности? От этой мысли сделалось дурно.

Пальцы закололо тысячью иголок. Болезненно и неприятно. Но потихоньку я смогла ими управлять. Включила прохладную воду, ощущая несказанную радость от такого простого действия. Вымыла ладони и уже было хотела умыть лицо. Но передумала. Его ведь останавливает, что я грязная. Вот и отлично.

Стоило выйти из уборной, как обнаружила, что меня ждут. Пробурчав что-то на своём, охранник толкнул меня обратно на пол. Условия в самолёте куда лучше, чем в фургоне. Даже не заметила, как сползла по стене на мягкий ворс ковра. Свернулась калачиком и уснула. Тяжёлым, тревожным сном. Казалось, прошло всего мгновение, когда меня грубо ударили по ноге, заставив тут же очнуться.

Минута дезориентации сменилась жутким ощущением потерянности. Не дав прийти в себя, меня, как щенка, подняли за шкурку и повели к выходу. За пределами самолёта жаркий, плотный воздух окутал со всех сторон. Кожа сделалась влажной и липкой. Платье не рассчитывалось на такую погоду, вызывая дополнительный дискомфорт. До ужаса хотелось в душ, но слова Якуба засели в голове.

Яркое солнце, заставляя щуриться, мешало осмотреть местность. Цивилизацией здесь и не пахло. Вокруг лишь горы, небо и какое-то здание, больше похожее на амбар, нежели на здание аэропорта.

Вновь толчок в спину. Очередная машина. Ощущала себя скотом, который перегоняют с одного места на другое.

Нет, конечно, господин Ямадаев не стал бы ехать со мной в одном автомобиле. Я же дурно пахну. Пф.

Обычно в кинофильмах жертве киднепинга завязывали глаза. Но нет, тут никого не волновало, что я могу запомнить дорогу. И я жадно смотрела на сменяющийся за окном пейзаж. Я сбегу. Точно сбегу от него. Только как?

Длительное голодание сыграло со мной плохую шутку. Вскоре от дикой езды водителя по встречным ухабам меня начало укачивать и заболела голова. Я припала лбом к холодному стеклу, отчаянно мечтая о завершении этого пути.

Один из охранников, должно быть, понял моё состояние. Передал мне явно из своих запасов кусочек вяленого мяса. Смотрел на меня глазами, полными жалости. И я с благодарностью приняла «угощение», на вкус больше напоминавшее резину. Но лучше так, чем желудок, который начал переваривать себя сам.

Может быть, этот сердобольный паренёк поспособствует моему побегу? Из «Маугли» я узнала, что храброе сердце и вежливый язык помогут выжить даже в джунглях. Поэтому попыталась улыбнуться ему.

Дорога заняла несколько часов, и, когда перед капотом машины выросли огромные ворота, я догадалась, что мы прибыли. Ворота распахнулись, и моему взору открылся настоящий замок. Я с изумлением осматривала хоромы, которым позавидовала бы королева Англии, если бы решила приобрести резиденцию в восточном стиле. Не представляю, каким трудом можно было в этой глуши заработать на подобное богатство. Честные люди в таких домах не живут.

На этот раз вытаскивал меня из машины «добрый полицейский». Аккуратно. Хотя мне кажется, после их прикосновений всё моё тело покрылось синяками и ссадинами.

Якуб выбрался из автомобиля, ехавшего вслед за нами, и прошествовал мимо меня в дом. Будто я тара, не заслуживающая его внимания.

Наблюдала, как старая женщина вышла из дома и кинулась к нему, явно испытывая радость от его возвращения. Для матери слишком старая. Скорее всего, бабушка или какая-то ещё родственница. Он согнулся пополам, чтобы обнять её. И я удивилась, что ему знакомы какие-то человеческие эмоции.

Когда бабушка посмотрела в мою сторону, меня пробрал холод до самых костей. Она ненавидит меня не меньше, чем он. Значит, точно родственница. Близкая. Внутри всё сжалось от страха. Вокруг враги, считавшие меня причиной своих бед.

- Чего вы остановились! Веди её в дом.

Голос второго охранника, более взрослого и грубого, раздался за спиной. И молодой человек, державший за руку, будто пытаюсь показать свою лояльность, тут же подтолкнул меня вперёд.

К моему удивлению, меня повели к центральному входу. Силой воли заставила себя гордо держать голову, пока проходила рядом с этой взрослой женщиной. Её волосы были покрыты чёрным платком. Будто траурным. И глаза такие же чёрные, как и её наряд, безотрывно глядели в мою сторону. Хотелось тут же прочесть какую-нибудь молитву и перекреститься. Выдохнула лишь, когда она оказалась позади.

Внутреннее убранство дома кричало о богатстве. А интерьер ослеплял золотом и хрусталём. После белого блёклого дома отца мне даже понравилось увиденное. Необычно и ярко. На грани кича.

Меня вели прямо по пятам Якуба на второй этаж. И с каждым шагом страх сковывал всё сильнее. И от него дрожь расплзлась по телу. Ноги сделались ватными, слабыми. И когда меня вновь кинули, как ненужную вещь, в его комнату, я не нашла в себе сил подняться.

Я дышала тяжело, глубоко, не представляя, какие приключения ожидают дальше. Смотрела на него круглыми глазами.

Бросил неприязненный взгляд в мою сторону, как на назойливую муху. Не очень-то он хотел со мной возиться. Но вместо того, чтобы выкинуть меня вон, принялся расстёгивать свою рубашку. По одной пуговице добираясь вниз. К брюкам. И смотрел при этом на меня, валяющуюся на полу. Сердце бухало в груди.

Избавившись от рубашки, он кинул её на застеленную кровать. А я с трудом могла перебороть в себе любопытство и не рассматривать его рельефное, загорелое тело. Опасаясь, что он вновь решит, что я проявляю к нему плотоядный интерес.

При движении накачанные мышцы перекатывались под кожей. Передо мной стоял дикий хищник, вышедший на охоту.

Мне ничего о нём неизвестно, кроме того, что он опасен. Но, глядя на него, в памяти всплывали те бойцы, которых я видела на ринге. Сабуровы порой брали меня с собой на различные бои. Не только боксёрские. Но я отлично могла бы его представить размазывающим кровь по чужому лицу.

Он пугал меня. Да, наверное, он красив. Но жуткой, нечеловеческой красотой. Вкупе с ненавистью, источаемой в мою сторону, единственное желание, зарождавшееся во мне при нём – бежать. Бежать как можно дальше и быстрее. Сбивая стопы в кровь.

Но лишённые жизни синие глаза действовали на меня гипнотически. Парализуя, не давая сдвинуться с места.

Когда в итоге он скрылся за дверью, которая, судя по всему, вела в ванную комнату, я выдохнула с облегчением и обмякла. Шум воды успокаивал.

Прислонилась к стене и, обняв колени, осмотрелась. Комната показалась красивой. Наполненной светом. Но ему больше подошла бы в качестве жилища пещера в скале. И выхода отсюда нет. Разве что спрыгнуть на улицу и переломать себе ноги. Так себе решение.

Минут через десять он вернулся. Вздогнула, когда дверь отворилась. И ещё раз, когда обнаружила его в одном полотенце, обёрнутом вокруг бёдер.

– Иди в душ, – обращается ко мне.

Я сидела на полу, не собираясь двигаться с места. Может, мне ещё аромамаслом себя намазать, чтобы ему приятно было меня насиловать?

– Иди к чёрту, – отвечаю, понимая, что мне это с рук не сойдёт.

Глава 7

Он поднимает меня на ноги. Легко. Одной рукой за волосы. Тут же тянусь к его запястью, вцепляясь в него изломанными, острыми ногтями. Надеюсь оставить на нём царапины и причинить боль. Но, к моему сожалению, он даже бровью не повёл.

– Отпусти! – пишу. Из-за натяжения, кажется, глаза лезут на лоб.

– Маленькая невоспитанная Китекет, – шепчет мне на ухо, а я встаю на цыпочки в бесполезной попытке ослабить боль. Разжимает пальцы, толкает к стене, пригвождая к ней своим телом.

Меня обдаёт запахом геля для душа, мятного дыхания и исходящим от него жаром. Я ощущаю всю силу его самоуверенности на себе. Высокомерия.

Женщины для него расходный материал. Он привык, что они падают ниц перед ним, и я не должна стать исключением.

О чём он думает? Неужели считает, будто сестра с Сабуровым не по любви, а ради денег? Поэтому так самонадеянно себя ведёт? Сера слишком сильно любит мужа, чтобы видеть других мужчин.

А я никогда не сталкивалась с подобным представителем сильного пола. С таким, как он. Лично. Они не попадали в моё окружение. Мальчишки-одноклассники, студенты, знакомящиеся со мной в кафе и клубах, так отличаются от него. Чувствую себя перед Якубом слабой, незащищённой.

Отчаянно неопытной.

– Придётся преподать тебе несколько уроков послушания, – его голос стал ниже на пару тонов, – раз не хочешь по-хорошему, начнём по-плохому.

Вскидываю голову на него, смотря с недоумением.

– По-плохому ты начал первый, по-хорошему ничего не получится, – рычу, как дикая уличная кошка, выпуская когти и показывая зубы, – как только Сабуров поймёт, что я пропала...

Он зажимает мне рот ладонью, морщится, будто слышать фамилию мужа моей сестры ему неприятно.

– Не рассчитывай, что тебя тут быстро найдут, – его губы изгибаются в пугающей улыбке, от которой все внутренности холодеют, – не раньше, чем я захочу тебя вернуть. Если ты ему ещё будешь нужна.

И в подтверждение своих намерений он скользит рукой под моё платье, задирая его вверх. А я даже не сразу соображаю, что происходит. Он тянет тонкие кружевные трусики, сотканые из тончайшей шёлковой паутины. Она врезается в мою кожу, и я с ужасом слышу треск ткани, которая остаётся в его кулаке. Последний оплот защиты.

Пытаюсь оттолкнуть его, нанося беспорядочные удары по мощной груди. Но без толку.

Ловит мои запястья, поднимая руки над головой. Ему же не нравится, как я пахну. Я ведь грязная, так он говорил. Однако это не останавливает его. Он вжимается в меня своим телом, а я с ужасом понимаю, что он возбуждён. Смотрю в его потемневшие глаза и осознаю, что он получает удовольствие от моего сопротивления.

– Ты такая же шлюха, как и все. Я чувствую запах твоего желания, – криво усмехаясь, заявляет.

Его слова так похожи на обвинения отца, что делает нанесённую рану ещё больнее.

Страх отступает, остаётся лишь чернильная ненависть, проникшая в каждую мою пору. Поползшая по каждому кровеносному сосуду.

Я плюю ему в лицо и сама не понимаю, что сотворила.

Он замирает. Очень медленно вытирает свою щеку. Его ноздри раздуваются от бешеной ярости. Если он ударит, от меня ничего не останется. А я вижу, как его пальцы сжимаются и разжимаются. Как ему хочется меня уничтожить.

Незаметным для меня движением он распахивает дверь спальни, выталкивает меня за её пределы и зовёт кого-то из своих приспешников. Я смотрю на него ошарашенно.

Спустя мгновение к нам подлетел кто-то из его людей, ожидая указаний. Они поступили на «его» языке.

Якуб быстро взял себя в руки. Улыбнулся мне на прощание своей фирменной зловещей улыбкой, от которой захотелось спрятаться под одеялом.

Не успела я моргнуть, как фарфоровая кукла из тех, что любила дарить мне мачеха, как дверь его спальни захлопнулась перед моим носом. А меня повели по длинному коридору.

В ушах ещё шумело, но, кажется, пронесло. Двигалась, опьянённая маленькой победой. Так просто!

Каблуки осточертели, ноги отекли, и тонкие завязки врезались в стопы. Я едва волочила ноги, испытывая дикую усталость и голод. Даже страх отступил на второй план.

– Куда меня ведут? – отрешённо спрашиваю.

Казалось, моя настоящая жизнь такая далёкая, что уже нереальная. Когда теперь я смогу лечь в постель, пахнущую бальзамом для белья? Чистотой...

Он не реагирует на мой вопрос. Будто я ниже его по касте. Или ему просто нельзя со мной разговаривать.

Меня вышвырнули во двор. Внутренний. Мужчины-охранники повернули голову в мою сторону, рассматривали мой диковинный для этих мест наряд некоторое время, а затем возвратились к своим занятиям.

Никто не удосужился пояснить мне, что делать дальше. Мой провожатый скрылся. Голова кружилась от голода. Я присела на ступеньки и принялась развязывать тесёмки туфель. Я вся в пыли и саже. Кожа чешется. Ощущаю запах пота, исходящий от моего тела.

Раз никто не говорил, что мне делать нельзя. Значит, можно – всё.

Если он рассчитывал, что я пойду вымаливать прощение и просить взять меня в дом. Под крышу. То он ошибся.

Взяв в руки обувь, я оглядела обширную территорию «дворца». К моему сожалению, спрятанному за высоким забором.

Под ногами аккуратные дорожки, стриженный газон. К собственному удивлению, я нахожу конюшню. Вероятно, где-то здесь содержались и иные домашние животные. Но сил на разведку уже не осталось.

Устало забралась внутрь, с завистью обнаружив отдыхающих в стойлах лошадей. Одно стойло оказалось свободным, убраным. Я улеглась прямо на сено, свернувшись калачиком.

Проснулась резко, ощутив во сне, как кто-то меня касается, пробираясь под подол платья. Вскочила, вжимаясь в стену. На меня пялился какой-то мужчина. Взрослый, бородатый. Крик страха замер где-то в груди. Кричать хотелось нестерпимо, но я не могла вымолвить и слова. Должно быть, он принял мою заторможенность как знак согласия.

Навалился всем телом на меня, бормоча что-то на незнакомом языке. Я пыталась сопротивляться. Отстранить его от себя, но все попытки оказались тщетными.

Ямадаев говорил, что отдаст меня своим людям. Но разве так? На глаза навернулись слёзы беспомощности. Я захныкала, ощущая прикосновение влажных губ к своей шее, испытывая отвращение.

– Я смотрю, ты развлекаешься, – раздаётся спокойный голос Якуба.

Мужчина, напавший на меня, тут же отскакивает. А я с ужасом понимаю, что он успел достать член из брюк и теперь торопливо приводит одежду в порядок. А на мне ведь не было даже трусиков. Они остались там, в спальне «хозяина».

Глава 8

Якуб обращается к нему не по-русски. Голос спокойный, выдержанный, но насильник, не успев подняться на ноги, спотыкаясь, падает и на карачках выползает из конюшни.

Проводил его взглядом и вернул внимание на меня.

Он отчего-то зол. Знаю его всего ничего, но уже умею распознавать эмоции. Их нет на лице. Они доходят до меня радиосигналами. И сейчас меня обдаёт волна его ярости.

Смешно. Чего ему злиться?

– Может, не стоило вам мешать? – склоняет голову. Изучает. Уголок губ ползёт вверх, но это не улыбка, а волчий оскал. – Отымили бы тебя хорошенько, глядишь, послушной бы стала. Сговорчивой.

– Может, и не стоило, – огрызаюсь, задирая подбородок и находя в себе последние крупницы силы. Я так устала и измотана, что совершенно не отдаю отчёта словам, срывающимся с губ, – зато ты бы ко мне точно больше не притронулся.

Мне кажется, на мгновение от моей дерзости у него даже дыхание перехватило. Сюда попадает лишь свет полной луны, но мне хорошо видно, как расширились

его зрачки. Сделались чёрными.

Возможно, я совершила ужасную ошибку. И сейчас он кинет меня на растерзание своим людям, голодным до секса в местности, где его не так легко получить. Но почему-то ощущаю, что стратегически верно подобрала слова.

Он бы не дотронулся до моего тела после своих людей. Вот уж кто точно бы побрезговал. А потому мне ничего не грозит. Пока он меня не отымеет.

Дрожащей рукой вытираю слёзы. Сколько мне ещё предстоит их пролить? Меня продолжает трясти от страха, который пока не отпустил.

Хозяин этих стен опускается на корточки. Одетый с иголки. Чистый, благоухающий. Сытый. Красивый Крёз. Мечта юношеских фантазий. Кто бы знал, что они воплотятся в такой извращённой форме.

– Подозреваю, что для такой, как ты, раздвигать ноги перед незнакомыми мужиками не наказание, – потирает подбородок, размышляя вслух.

Теперь моя очередь задерживать дыхание. От очередного оскорбления. Он даже понятия не имеет, какой человек моя сестра, но его это не останавливает.

– Ты придёшь ко мне сама, – обращается он ко мне, – по доброй воле.

Смотрю в его блестящие в темноте глаза. О чём он?

Пульс бьётся тревожно, отдавая в уши.

Он ожидает, что я изменю своё отношение к нему? Он болен.

Меня разбирает истерический смех. Сквозь слёзы.

Усталость. Страх. Шок. Всё эмоции наложились друг на друга, смешались в дикий коктейль.

– Никогда. Сама – никогда.

Из головы даже вылетело то, что он принимает меня за сестру. А потому говорила за себя и от всего сердца. Но не сомневаюсь, что Серафима дала бы такой же ответ.

На что он рассчитывает? Что творится в его голове?

Он ухмыляется, словно ожидал подобного.

– А до этого будешь зарабатывать себе на хлеб. Сама. И не тем, что между ног.

Якуб поднимается, бросает на меня последний взгляд и уходит.

Долго в одиночестве мне побыть не дали. Спустя минуту в конюшне появляется женщина средних лет. На ней платок. Тёмные брови вразлёт и румяные щёки. Оглядывает меня строго. Цокает неодобрительно.

– Пойдём, – обращается ко мне с сильным акцентом, через который я с трудом пробираюсь, – хозяин сказал, что ты теперь работаешь в хлеву. Но в таком виде я тебя даже к коровам бы не пустила.

Поднимаюсь и тут же ощущаю, как темнота застилает глаза. Женщина меж тем не сразу соображает, что я не двигаюсь. Только на выходе обращает на меня внимание. А я припала лбом к деревянной стене, ожидая, когда вновь вернусь в сознание. Боюсь, пошевелюсь – и тут же грохнусь на землю.

– Ох, болезная, – обхватывает меня за талию и крепко удерживает, хотя сама ниже меня на голову, – пошли, накормлю. Тонкая, как тростинка.

Путь до кухни, куда меня привели, стёрся из памяти. Казалось, я пришла в себя, лишь когда она вложила в мою руку ложку и пододвинула горячий, наваристый суп. Я так давно не ела, что от запаха еды сделалось дурно. Но всё же пересилила себя и съела его до последней капли.

Женщина безотрывно всё это время рассматривала меня, как диковинную зверушку. Такие, как я, наверное, редко сюда заглядывают. Экзотика.

– Меня Хаят зовут, козочка, а как тебя?

– Можно мне позвонить? – вместо ответа спрашиваю. В душе теплилась наивная надежда.

– Ох, козочка, никто из местных против хозяина не пойдёт, а он ясно дал понять, какое ты здесь занимаешь положение, – без сочувствия отвечает.

Местных. Феодал недоделанный.

Очевидно, что она мне не помощница.

Опускаю лицо, чтобы она не видела моего острого разочарования.

– Тогда зовите меня Китекет, – горько усмехаюсь. Именем сестры называться не хотелось. А собственным – не моглось.

– Теперь мыться и спать, – говорит она слова, которые я мечтала услышать. Не от мужчины. – Завтра тебя ждёт тяжёлый день.

Я стояла под душем, наблюдая, как вода, тёмная от пыли и крови, закручивается в воронку и спускается в водосток. Глаза сухие. Пореветь и отпустить напряжение не получилось.

Зато у меня есть передышка. Якуб считает, что я сама к нему приду. С чего бы? Никакой грязный труд не заставит меня забраться к нему в постель.

А потом я придумаю, как отсюда выбраться с минимальными потерями.

Глава 9

Меня разбудили спустя минуту после того, как я уснула. По крайней мере, ощущалось именно так.

С трудом разлепила глаза. Тело ломило. Болело. А кошмар продолжался.

– Поднимайся, козочка, не время отдыхать, – до раздражения бодро по комнате порхала женщина.

Отдыхать. Меня похитили и заставляют прислуживать. Поэтому её слова звучат как издёвка. Только понимание того, что они произнесены без задней мысли, останавливает от колкости в ответ.

Я опустила ноги на холодный пол и осмотрела комнату. Девчачью.

– Это спальня моих дочерей, – поясняет Хаят, поймав мой взгляд, – старшая уехала учиться. Ты спала на её постели. А младшую ты вчера, наверное, и не заметила, она помогает уже по дому. Каникулы.

Вручив мне одежду своей старшей дочери, Хаят вышла из комнаты, сообщив, что ждёт меня к завтраку.

Длинная юбка из грубой ткани, похожей на ситец, завязывалась на талии. Объёмная, неудобная и некрасивая. И такая же просторная рубашка, которую я заправила под юбку. Мешок картошки смотрелся бы на мне не хуже.

Единственное, что меня обрадовало, – трусики. Упакованные, никем не ношенные трусики. Хлопковые. В горошек. Такие одним рывком не сорвать. Надёжные, как пояс верности.

Накормив меня, Хаят наказала следовать за ней. А я, остановившись на крыльце её дома, осмотрелась. Так странно, мне казалось, что он находится совсем близко к хозяйскому особняку. Но нет. Сюда идти минут десять. Вокруг сновали люди, рабочие. Видимо, помощники по хозяйству. Хотя кто знает, чем промышляет Якуб, может, у него тут маковые плантации.

Завтрак и свежий, прохладный воздух взбодрили. Хаят торопливо объясняла мне рабочие обязанности. Проводила на скотный двор, расположенный в отдалении, и я оглядывалась в изумлении от количества животных. И фронта работ. Козы, коровы, бычки, лошади. И это не считая кур, гусей и кроликов.

– Сначала выведи во двор кур, но перед этим обязательно пересчитай всех, затем приберись в курятнике, – важно раздавала указания Хаят.

Старалась не унывать. Особенно познакомившись с козлятами. Белыми, смешными. Неловко бегавшими вокруг меня. Ласковыми, как котята. И такими же резкими, если им что-то не по нраву. Один почему-то отбил от своих сородичей и волочился за мной, как щенок. Но голод взял своё, и он вернулся к маме козе.

К полудню я уже валилась с ног, не привыкшая к такому объёму физической работы. По обгоревшему лбу тёк пот, я вытерла его рукавом рубашки, которая уже прилипла к телу. Солнце в зените палило нещадно, и находиться под открытым небом стало невыносимым.

Не сразу догадавшись попросить у Хаят платок на голову, завязала его, как это делают бабушки в деревнях, убрав под него косу. Настоящая селянка.

Спряталась под крышей коровника. Нос уже почти привык к запаху, а глаза перестали слезиться. Зато кожа, волосы и одежда будто пропитались этим ароматом. Не вытравить. Одежду придётся сжигать вместе со мной.

Устало сложив руки на черенке лопаты, опустила веки, радуясь лёгкой прохладе в тени. Ладони болели, покрылись волдырями, которые грозили вот-вот лопнуть. А перчатки никто не собирался мне давать.

Подозреваю, что это одно из указаний Якуба. Ему явно доставляло удовольствие издеваться надо мной.

Вздрагнула, услышав шорох. Резко обернулась и встретилась глазами с причиной всех своих бед. Сколько он тут находился, наблюдая?

Чистенький. В белой рубашке-поло и льняных брюках. Лоферы без единой пылинки. Руки в брюки. И стоит, прислонившись плечом к дверному проёму. Хозяин жизни и этого коровника.

Осматривает мой наряд, начиная с потрёпанной обуви и завершая платком. Щёки под солнцем загорели, а на лице ни грама косметики. Я напряглась, переживая, что выгляжу слишком юной. И мне совсем не понравился его взгляд. Потому что я не сумела распознать, какая эмоция под ним кроется.

– Труд сделал из обезьяны человека, может, и из шлюхи сможет, – выдаёт привычное оскорбление, от которого мне хочется огреть его чем-то тяжёлым.

Понимаю, что он-то как раз меня за человека и не считает. Я для него не более чем предмет интерьера. Мужчине в его мире дозволено всё, а женщине – ничего.

– Судя по всему, тебе труд не помог, – замечаю, приподнимая бровь.

Жаль, что мои слова его не задевают. По крайней мере, он не подаёт виду. Хотя я подозреваю, что он не привык, чтобы девушки общались с ним в такой манере. А не исполняли тут же любую прихоть падишаха.

Лениво выпрямляется, обходит меня, изучая со всех сторон. Наслаждаясь открывающимся видом. Ему кажется, он унижает меня. А мне кажется, унижение – это лечь в постель к тому, кто тебя хочет раздавить, как букашку.

Замечаю краем глаза, как люди, работавшие поблизости, интересуются тем, что их хозяин наведалься в коровник. Готова биться об заклад – это путешествие из своей гостиной, устланной персидскими коврами, он совершил первый раз в жизни.

Меня несколько смущает получаемое внимание. Народ будто сериал на канале «Россия» наблюдает. Шушукаются, переглядываются. Весело им.

Подходит ко мне вплотную, ударяясь своим ботинком об мою обувь, смотрит с высоты своего роста. А я сжимаю со всей силы черенок, сдерживая себя от того, чтобы не использовать его в качестве оружия.

Мне ещё не доводилось так близко к нему находиться при свете дня. Я вижу лучики морщинок, расплзающиеся от уголков глаз. На фоне смуглой кожи цвет радужки кажется ярче. Принимая оттенок незабудки.

Взгляд падает на его губы. Против воли задерживаясь на них. Единственное пришедшее на ум определение – порочные. От их вида у меня во рту всё пересыхает, а дыхание сбивается.

Самое позорное, он заметил мою реакцию. Поймал на месте преступления, вызывая острое чувство стыда. Думала, он сейчас рассмеётся мне в лицо. Унизит в очередной раз.

Но вместо этого опустился чуть ниже, втягивая воздух в паре сантиметров от моей шеи. Заставляя ощутить на коже его прохладное дыхание. Замираю, не понимая, что происходит и почему он так странно себя ведёт.

Обнюхивает, как животное. Морщит свой благородный нос, будто ожидал, что после уборки навоза я буду благоухать розами.

– Сегодня приедут мои товарищи, – заявляет, делая многозначительную паузу, и убирает мне за ухо выбившуюся из косы прядь. Это движение со стороны может показаться проявлением заботы. Однако я чую в нём лишь желание маньяка подступиться к жертве. – И от тебя зависит, увидят они твоё лицо или нет.

Смотрю на него большими глазами. Его голос звучит так спокойно и жёстко, что я понимаю – эти люди могут знать Сабурова и мою сестру.

У меня уже привычно всё внутри покрывается инеем от его тона. Он явно задумал что-то недоброе.

Глава 10

– Как это понимать?

Задаю вопрос, а у самой в голове вихрем проносятся череда вариантов развития событий. Что, если эти мужчины помогут мне отсюда сбежать? Что, если знают Сабурова и доставят к нему? Но эту мысль догнала другая. Они ведь друзья Якуба. А значит, Сабуров может быть их врагом.

Якуб улыбается. Предвкушает весёлый вечер. Я вижу, как в его зрачках черти разогревают котёл, чтобы кинуть меня в него.

– Если будешь послушной девочкой, мои товарищи не распространят слух о том, что жена Сабурова оказывает мне интимные услуги...

– Я не оказываю тебе никаких услуг! – перебиваю тут же, ощущая ярость и начиная догадываться, для чего он позвал своих шакалов.

Он мечтает испортить репутацию Серафиме. Унизить её, а заодно и Ратмира. Я, конечно, не она. И Ратмир всё поймёт, но от слухов может оказаться чертовски сложно избавиться.

А если кто-то из них и вовсе знает Серафиму не по фотографиям семилетней давности? Поймут, что я не она, и сообщат моему похитителю... Он перестанет меньшеваться в отношении меня и пустит своих людей на поиски Серафимы. Ох, нет.

– Это вопрос времени, Китекет, – заявляет, уверенный во мне больше, чем я в себе.

Смотрю на него недоуменно. В его глазах такое спокойствие, будто он даже не допускает обратного. Ведь я, по его мнению, шлюха, а следовательно, обязательно предпочту блага цивилизации в виде его мягкой кровати уборке навоза.

Я не могу даже вообразить, какая нужда заставит меня залезть в его постель. То, что я испытываю странный трепет рядом с ним, вовсе не значит, что я готова выпрыгнуть из собственных трусов. Хлопковых. В горошек.

Только всё равно почему-то щёки заалели. Окружающая температура накалилась до предела. Хотя в этой местности и так сейчас сорок градусов в тени. Внизу живота разлилась предательская истома. Кусаю щёку изнутри.

– И в чём же должно заключаться послушание?

Боюсь представить, что он уготовил для меня. Сердце тревожно бьётся от неопределённости и страха. Я невольница. Считаю, рабыня. Он ведь может делать со мной всё, что захочет. Лишь непонятное желание останавливает Якуба от того, чтобы не взять меня силой. А способен ли он на подобное? Видимо,

скоро я смогу узнать ответ на этот вопрос.

– Ничего из того, что ты не умеешь – развлекать мужчин, – смотрит с презрением. Будто я проститутка, которую он подобрал на обочине жизни. Хотя для такого, как он, возможно, любая девушка, оголившая плечо, шлюха.

Оправдываться перед этим животным желанием не возникает. Он мне никто. И весь мой ад – временный. Когда-нибудь всё это закончится. А подробности его мнения ни о сестре, ни о себе я знать не желаю.

– Понятно, – тихо выдыхаю и отхожу от него, чтобы продолжить работу.

Я как-нибудь и с этим наказанием справлюсь. Продержаться бы до того дня, как меня найдут.

Раны на ладонях кровоточили и причиняли боль. Прикусила губу, чтобы не застонать, когда обхватила черенок.

– Покажи, – сжав моё запястье, тянет руку к себе. Изучает израненную кожу.

Поднимает на меня пронзительный взгляд. Распознаю в нём лишь недоумение.

– На сегодня ты свободна, – отпускает руку, – прими ванну. Если вечером от тебя будет вонять, пеняй на себя.

Сжимаю зубы так сильно, что боюсь, как бы они не начали крошиться. Не-на-ви-жу. Всей своей душой ненавижу.

Наблюдала, как он удаляется. Мне хотелось бросить лопату прямо тут и бежать из этого места. Или хотя бы в ванную. Но дурацкая совесть не позволила. Очистила инструмент, как показывала Хаят, и вернула, откуда взяла. А когда собралась в дом, на моём пути возникла женщина в чёрных одеждах.

Она буквально столбом выросла передо мной. Много раз за день я ловила на себе её тяжёлый проклинаящий взгляд. Но надеялась, что дальше анафем дело не зайдёт.

– Не смотри на моего внука, шлюха, своими глазами, как у мавки, – зашипела так, что мне привиделось, как при произнесении угрозы из её рта появился раздвоенный язык.

Я отшатнулась от этих слов. Сила её ненависти настолько огромная и поглощающая, что мне тут же сделалось нехорошо. Захотелось расплакаться и убежать подальше от неё.

Она говорила чисто, без акцента, как женщина, прожившая большую часть жизни в Центральной России. Образованная, породистая. И очень злая. Тёмно-карие глаза источали злобу, от которой никуда не спрятаться.

– Я не смотрю на него, – тихо пискнула, ощущая себя крошечной мышкой-норушкой. Почему-то противостоять Якубу было куда проще, чем ей.

– Врёшь, шлюха, я заметила, как ты с ним заигрывала, – подходит чуть ближе, так что я вижу её плотную, покрытую морщинами кожу и чёрные соболиные брови, как у Якуба, – попытаешься соблазнить моего внука, мало тебе не покажется. Изничтожу. В прах сотру.

От этих несправедливых слов становится больно. Ведь это он мне угрожает. Он ждёт, что я к нему приду.

Отец воспитывал меня строго, внушая уважение к старшим. А потому я замерла, замешкалась, не зная, как защититься от её гнева. Моя сестра наверняка придумала бы что-то едкое в ответ, унизила, но так, что старуха даже не сразу сообразила бы, что её опустили. А я растерялась. Но женщине неинтересно было меня слушать. Бросив угрозу, она удалилась.

А меня продолжало трясти. От страха и гнева. Оттого, что оказалась здесь не по своей воле и теперь вынуждена терпеть нападки людей, к которым не имею отношения.

Я сменила направление. Не представляла, как сейчас запрусь в четырёх стенах и буду готовиться к вечеру. Как зайду в дом, а Хаят наверняка спросит, почему я так рано.

Глава 11

А как я на него смотрю? Эти слова старой ведьмы засели в голове.

Была уверена, что с ненавистью и отвращением. А что же увидела она?

Зажмурилась, ощущая раздражение от самой себя. Глупая наивная дура. Он как горгона Медуза, на него вообще смотреть опасно.

Пока бродила по огороженной территории, постоянно ощущала, что за мной следят. Неотрывно. Охранники.

Выбраться отсюда будет сложно. Глухие кирпичные стены полностью закрывали вид на свободу. Жилище Ямадаева больше походило на крепость с крепостными крестьянами. Служившими своему вассалу верой и правдой. И поглядывавшими на меня как на личного врага. Я уже заметила, что рабочие заезжали на территорию через пропускной пункт. С досмотром. И выезжали так же.

– Далеко идёшь, красавица? – пугает меня неожиданно подкравшийся охранник.

Тот самый, что вёл себя со мной наиболее грубо.

Я вздрогнула. Витая в своих мыслях, не заметила, как он приблизился. Разглядывал меня колючими карими глазами. И мне совсем не понравился этот взгляд. Отчего-то уверена, что он подошёл ко мне не по воле Якуба.

На вид ему около сорока. Чёрные волосы с проседью, густая борода, скрывавшая половину лица, а оставшаяся половина покрыта загаром.

Но, несмотря на интуицию, кричавшую держаться от него подальше, растянула губы в улыбке. А вдруг он мне поможет. Интересно, какой окажется плата?

– Гуляю, – отвечаю, щурясь от солнца, – нельзя?

– Можно, только осторожно, – вторит мне и тоже улыбается. И снова мне становится не по себе.

Кардинальная смена его отношения пугает. Оглядываюсь по сторонам, будто опасаясь, что он способен напасть на меня в любой момент. Но вокруг, как назло, никого.

И судя по выражению его лица, он догадывается о моих опасениях.

Где-то рядом раздаётся скулёж. Жалобный. Не пойму только, откуда.

– Это шавка, прибившаяся к нашим стенам. Должно быть, сбежала от хозяев, но никто её не искал, – поясняет охранник.

По тому, какие слова он подбирает, я поняла, что животных он не жалуется. Такому доверять нельзя.

Обойдя сарай, обнаружила пса, лежавшего в земляной яме. Огромная породистая кавказская овчарка. Она тяжело дышала в тени, высунув язык. От жажды и жары. Могла только предполагать, но судя по всему прочему, волкодав был сильно истощён. Моё сердце тут же сжалось от жалости и сочувствия к этому большому гордому животному.

Рядом, прямо на земле, валялись обглоданная кость и слипшиеся остатки какой-то каши. Должно быть, кто-то из местных пытался подкармливать.

– Можно его покормить?

– Думаю, да, – нехотя отвечает охранник, – но зачем? Кто-нибудь этим займётся.

Кусаю губы. Я тут никто. И вряд ли мне дадут хороший кусок мяса для животного.

Стоило подойти к волкодаву чуть ближе, как он тут же среагировал на приближение. Сначала напрягся, завибрировал, а затем эта вибрация перетекла в рычание, от которого даже у меня сжались все внутренности. Весь мой опыт общения с брошенными животными в приютах перестал иметь значение. С

такими большими псами я в одиночку не сталкивалась.

Потеряв всякий интерес к охраннику, я побежала к дому Хаят, надеясь найти там что-то съестное. В холодильнике лежал кусок мяса. Я замялась, понимая, что для семьи Хаят оно может стоить дорого. Ну что ж, когда меня выпустят, я верну ей долг деньгами. Либо Якуб заплатит за невольницу, убирающую навоз.

Мужчина ждал меня неподалёку от входной двери. Оценил мою добычу, но ничего не сказал. Взяв с собой в придачу бутылку свежей воды и тазик, который вполне сойдёт за миску, последовала обратно к собаке.

– Может, не стоит к нему подходить? – с опаской спрашивает мужчина, пока я думаю, как к ней подступиться.

Хотелось отмахнуться от него. Он раздражал своим непрошеным присутствием и трусливостью. Но был всё ещё мне нужен. Поэтому я держала себя в руках.

Осторожно приблизилась к собаке. Она не проявляла активности, что меня смущало. Но предложенное лакомство съела жадно, как и не менее жадно вылакала воду. Поняла, что не вернусь в дом, пока не найду причину её состояния.

Рамзан, так представился конвоир, в итоге махнул на меня рукой. Ему надоело стоять над моей душой, пока я общалась с собакой. Потихоньку животное разрешило подойти. Погладила его по густой длинной шерсти и обнаружила металлический ошейник, утопающей под густой шерстью. Толстый, тяжёлый. Её держали на цепи.

Сама ослабилась. Видимо, собака сбежала от нелюдей, которые грубо к ней относились. Или они просто её выбросили, когда животное захворало или стало обременительным.

Убежала обратно в дом Хаят. Вместо того чтобы самой принять ванну, промыла рану собаки, которая рычала, грозясь меня покусать. Дрожащими руками сняла с неё металлический ошейник, опасаясь, что волкодав, почувствовав боль, вцепится в меня. Но он будто понял, что я помогаю. Успокоился. А я шептала слова успокоения, дрожа от страха.

Уже стемнело, когда я закончила и поплелась в дом. С ужасом представляя, что ради Ямадаева придётся отмокать в ванне. Теперь я пахла не только навозом, но и псиной. Никакой Шанель номер пять не сравнится с этой гаммой ароматов.

- Где же ты была, девчонка? Я уже с ног сбилась в поисках, - подскакивает Хаят со стула, стоило мне войти в дом.

Устало припала к дверям, объясняя, чем занималась и где была.

- Господин Ямадаев сказал, что ты должна быть готова к девяти.

Вымывала запах из кожи и волос целый час. Ладони болели, а единственное, чего мне хотелось, это лечь в кровать и уснуть. Но кто же мне позволит. Нужно развлекать падишаха.

Я задержалась. Сушка волос заняла много времени, а я уже никак не могла понять, источаю ли я дивный деревенский аромат или нет.

Выбежала к дверям и столкнулась нос к носу с Якубом, ждавшим поблизости. Он осмотрел меня с головы до ног. Ожидала, что вновь примется обнюхивать. Но нет.

- Ты опоздала, - недовольно констатирует.

- Готовилась развлекать твоих друзей, разве не заметно? - язвлю.

На мне джинсы дочери Хаят и майка. Ещё чуть влажные длинные волосы распущены, доставая до поясницы. Но Якуба, судя по взгляду, не впечатлил мой вид. Нос и лоб загорели за день, и я походила больше на румяный пирожок, чем на соблазнительную нимфу.

Как же он меня раздражал. Сам одет с иголочки. Чёрная рубашка, чёрные брюки. Начищенные ботинки. Убранные назад волосы и привычная борода. Ощущаю исходящий от него запах дорогого парфюма. Чёрная вишня, кожа и ваниль. Потрясающий аромат, от которого во рту скопилась слюна. Так и хотелось провести языком по его шее. Чёрт.

Он повёл меня в дом через чёрный ход, но, проходя по длинному коридору, я успела заметить припаркованные у дома дорогие тачки. Масштаб вечеринки куда грандиознее, чем я себе представляла. Якуб, похоже, здесь не скучает. А гости всё подъезжали. Кто же его друзья?

Ещё на подходе до меня донеслись женские голоса и весёлый смех. А когда Якуб отворил передо мной дверь, мне открылась картина, смахивающая на раздевалку в «Мулен Руж». Ямадаев подталкивает меня внутрь, а я упираюсь.

Оборачиваюсь к нему, гляжу в лицо, ожидая хотя бы какого-то объяснения. Если он решил, что художественная гимнастка может танцевать для него канкан, то, очевидно, он ошибается.

– Что это значит? – заглядываю ему в глаза. Девицы за нашими спинами притихли, наблюдая эту картину.

– Выйдешь, станцуешь стриптиз, а затем подойдёшь ко мне, – объясняет мне так, будто у меня одна лишняя хромосома.

Я оглядываюсь на танцовщиц, на них так мало одежды, что для стриптиза снять с себя останется лишь трусики и лифчик. Боже, какой позор.

Глава 12

Без дальнейших объяснений он оставил меня в комнате с девушками, яркими, как ёлочный дождь, и удалился.

Интересно, как его бабушка смотрит на то, что её внучек приглашает стриптизёрш? Славянок.

В голове тут же возникает мысль написать записку Ратмиру. Только как?

Девочки сначала рассматривали меня – новенькую, там, где стояли. А затем стали подходить поближе, улыбаясь, как дружелюбные пираньи, засыпая вопросами.

Давно ли я знаю Ямадаева? Что танцую? Где ещё работала?

– Хозяин этого дворца сказал, чтобы я тебе помогла с выбором наряда, – пробиваясь сквозь толпу девчонок, обращается ко мне симпатичная брюнетка возраста Якуба. – Как тебя зовут?

– Китекет, – отвечаю на автомате, а сама думаю, как уговорить её передать записку моей семье. Уши от волнения горят, как шапка на воре.

– Понятно, ты новая любимая игрушка Якуба, – осматривает меня с головы до ног. Очень внимательно. Ухмыляется. Взгляд у неё недобрый, холодный.

– Новая? – уточняю. – И сколько у него их?

– Садись, – указывает на стул, я усаживаюсь, и она принимается наносить косметику на моё лицо. Зеркало за моей спиной, поэтому мне даже не видно, что она делает. – А ты думала, что единственная?

Единственная невольница – по крайней мере, надеюсь на это. Любопытство оказывается сильнее гордости, развязывая мне язык.

– И какие они, его бывшие?

– О, крошка, он любит опытных девочек, – мечтательно улыбается.

Догадываюсь, что между ними что-то было. Иначе отчего её взгляд подёрнулся дымкой. Только, вероятно, давно. Но считает ли она меня своей конкуренткой, согласится ли помочь мне?

Страшно, но я понимаю, что после выхода к гостям второго шанса может и не быть.

– Можно тебя кое о чем попросить?

Девушка приподнимает вопросительно бровь, продолжая колдовать надо мной.

– Якуб не разрешает мне общаться с другими мужчинами, а мне нужно передать весточку моему брату, – строю из себя наивную дурочку и хлопаю ресницами.

Наслышана я о собственнических порывах кавказских мужчин.

– У нас забрали сотовые телефоны, здесь нельзя вести съёмку, – сообщает девушка, и я испытываю острейшее разочарование, которое с трудом удаётся скрыть.

– Понятно. А если я напишу тебе записку, отправишь эсэмэску?

– Ну, можно попробовать, – нехотя соглашается.

Я нахожу на столике ручку и листочек, судорожно размышляя, что на нём нацарапать.

В дверь начинают стучать, торопя на выход, а девушка раздражённо следит за моими движениями. На листочке с номером Сабурова пишу всего три слова: «Найди меня. Пирожок».

Звучит пошло, но назваться собственным именем я опасаюсь. А так он точно догадается, о ком речь. Передаю сложенную записку девушке, и она запихивает её в свою косметичку, а мне остаётся только молиться, чтобы сообщение дошло до адресата.

– Якуб сказал, что ты должна быть неузнаваема, – произносит девушка, а я ожидаю, что мне выдадут маску или что-то вроде того.

Но вместо этого она прячет мои волосы под сетку, и я догадываюсь, что на мне будет парик. Чёрное каре с чёлкой. Прямо Ума Турман в «Криминальном чтиве». Когда оборачиваюсь к зеркалу, на меня смотрит ярко накрашенная незнакомка. Пухлые алые губы, глаза с огромными стрелками. Я не то что на Серафиму не похожа. Я на себя не похожа.

Закончив с макияжем, девушка подходит к стеллажу с пёстрой одеждой. Перебирает яркие шмотки, останавливаясь на блестящем алом платье.

– Тут мало кому оно впору, а тебе будет в самый раз, – передаёт мне переливающееся на свету короткое платье, чулки в сеточку и нижнее белье под платье. Трусики – только название. Три лямки, одна из которых должна утонуть между ягодиц. – Тут сбоку заклёпки, его можно сорвать одним движением.

– Я совсем не умею танцевать стриптиз, – растерянно произношу, беря в руки вещи.

Русские народные танцы, которые я танцевала в одиннадцать лет, затем отдав предпочтение латиноамериканским, мало походили на стриптиз. Но мне вовсе не хотелось посрамить честь сестры. Могу, конечно, повести хоровод. Но вряд ли кто-то из местных оценит. Впрочем, если я буду снимать в процессе платье...

– Одевайся, времени мало. Повиляешь бёдрами, им с хватит лихвой. Главное – тряпки сними, – буднично объясняет и вкладывает мне в руки бокал с шампанским, – твой выход после нас. Выпей, расслабься.

Понятно. Похоже, я закрываю это шоу. Радуюсь только тому, что распознать меня под тонной грима будет почти невозможно. А значит, острый стыд будет не таким болезненным.

Девушка, красившая меня перед уходом, поручила выбрать туфли. Мало что подходило под платье. Перебрав все варианты, которые они с собой привезли, выяснила, что впору пришлось лишь пошлые лаковые шпильки. Красная подошва. Подделка под лабутены.

Танцовщицы уже выбежали на импровизированную сцену, и я последовала за ними. Они встали в ряд за каким-то мужчиной с микрофоном. Мне показалось, что в этой суматохе я могу совершить побег, но стоило оглянуться, как я встречалась взглядом с охранником.

Похоже, Якуб частенько устраивал подобные представления для друзей. Села на пол, спрятавшись за плотной шторой. Выглянув за неё, обнаружила множество гостей, вольготно развалившихся на диванах. Куривших кальян и пивших алкогольные напитки. Все мужчины. Очевидно, «ярые» мусульмане.

Смутная догадка пришла в голову. Не окажется ли, что после выступления танцовщицы побегут развлекать друзей Якуба? А я, по всей видимости,

уготована для хозяина вечера...

При смене мелодии каждая последующая девушка будто оживала. А танцевавшая до неё уходила в тень и принимала замысловатую позу. К собственному удивлению, мне понравилось шоу. Наблюдала за ними с открытым ртом. За тем, как раскрепощённо они двигались. Уверенно и эротично.

Слишком поздно до меня дошло, что я даже не знаю, под какую музыку мне придётся танцевать.

Их выступление завершилось, но девушки не уходили со сцены. Я поняла, что настал мой черёд. Допила шампанское залпом.

Чего хотел добиться Якуб? Высмеять меня после танца профессиональных танцовщиц? Злость завибрировала во мне. А ещё гордость. Отец всегда требовал от меня идеальных поступков. Верных решений. И я стремилась быть лучшей, чтобы угодить ему. Заслужить любовь.

Это желание стало привычным, став частью упрямого характера. И мне не хотелось услышать смех, когда моё выступление завершится. Но больше всего я желала утереть нос Якубу. Стереть с его лица это самодовольное выражение.

Не знаю, вероятно, на мои действия повлияло шампанское, которое я редко пила. А после активного дня на солнце меня и вовсе развезло. Но назло его «милый» бабушке мне в голову пришла мысль соблазнить своего похитителя. Такого он вряд ли ожидает. Не знаю, поможет ли мне девушка с запиской, но рассчитывать только на неё я не могу.

Из реквизита я захватила трость. Заиграла динамичная музыка и повела меня за собой. Походкой от бедра я вышла на сцену, твёрдо ступая на высоких каблуках. Ударила тростью по паркету и расставила ноги по обе стороны от неё.

Нашла глазами хозяина мероприятия. Он сидел напряжённый, рядом что-то вещал его друг, но, кажется, Якубу было не особо интересно. Он смотрел на сцену.

Почему-то мысль о том, что его внимание направлено именно на меня и только я притягиваю его взор, доставила мне странное удовольствие. Ведь тут полно других красивых девушек. Это ощущение разорвалось на языке сладкой разъедающей кислотой, прямо как пузырьки выпитого шампанского.

Захотелось, чтобы он пожалел о каждом брошенном мне в лицо оскорблении, о каждой грубости в мой адрес, о том, что выставил меня как не дешёвую проститутку на публику. Поглумиться. Обсудить мои прелести с приятелями.

Медленно опустилась так, что платье задралось, оголив ноги до самых ягодиц. Увела колени вбок. Замерла на долю секунды.

Будь я развязнее и смелее, могла бы развести колени в стороны, открыв вид на мизерные трусики, не предназначенные для того, чтобы скрыть то, что под ними. Скорее наоборот. Но я ещё не была готова делиться с окружающими своим внутренним миром. Опустила по очереди колени к полу, сделав ими полукруг, и поднялась, выгибаясь в пояснице. Томно. И очень надеюсь, что не менее эротично, чем девушки, танцевавшие до меня.

Уже не смотрела на Ямадаева. Мелодия затягивала в свою паутину. Дурманила. Я плыла вместе с ней, ощущая на себе взгляды многих мужчин. Странно, но это тоже доставило мне удовольствие. Быть желанной, но недоступной.

Якуб сам загнал себя в ловушку. Я к нему не приду ни за что в жизни. Но ведь он, уверенный в обратном, пока не тронет меня. До того момента, когда поймёт свою ошибку.

Отбросив трость, я придумывала на ходу танец, воображая себя участницей шоу-гёлз, танцующей на сцене одно из казино Лас-Вегаса. И вдруг поняла, что мне стал интересен этот опыт. Либо алкоголь заставлял так думать.

Когда ещё я смогу представить себя совершенно другим человеком? Таким, как моя сестра. Горячей, как костёр в ночь на Ивана Купала. И в то же время понимая, что это именно я. Сейчас, в данный момент я горю, пусть даже потом, когда схлынет адреналин, испытаю стыд и неловкость.

Музыка вибрировала где-то внутри, в самом сердце, посылая импульсы по телу, заставляя его двигаться. И я отдавала ту энергию, которая копилась во мне всё это время, голодной публике, следившей за каждым моим движением.

Опасалась, что мышцы заостенеют из-за отсутствия практики. Но из-за высокой влажности они стали мягкими, эластичными. А движения – плавными, пластичными.

Я не собиралась раздеваться. Заигрывала с платьем, проводила ладонями от груди к бёдрам, приподнимая край чуть выше, но не более того. Даже вообразить не могла, что сниму его. Это ужасно. Зрители и так считают меня доступным куском мяса.

Неожиданно музыка замолкла. Опустившаяся на зал тишина отрезвила. Я сбилась с ритма, переступая с ноги на ногу, растерянно ища глазами хозяина сего банкета.

Он сидел, развалившись на диване. Но за время моего выступления что-то в нём кардинально изменилось. Якуб больше не выглядел расслабленным и довольным жизнью. Ему не пришёлся по вкусу мой танец?

Подозвал к себе. Мне не понравился этот жест. Вздёрнула упрямо подбородок, но тут же за спиной выросли охранники, толкнули в спину и повели к его столику.

– У меня строптивая рабыня, – произносит, обращаясь не ко мне, но сканируя моё тело требовательным взглядом.

Ощущение, что за короткое время нашего знакомства он забыл, что принимает меня за сестру. А только что резко вспомнил и указал мне на моё место.

Сейчас для них всех я игрушка. Поиграл – передай следующему. Сердце от страха сжалось. Возможно, я неправильно поняла его слова в день знакомства? Какая вероятность того, что он просто хочет отдать меня своему другу, а это была демонстрация товара? Может эти самые друзья и есть его люди, а не, как я считала, подчинённые.

Облизываю пересохшие губы, напрягшись всем телом, ощущая холодок, пробежавший по позвоночнику.

– Хороша, – протягивая гласные, произносит мужчина рядом с ним.

Старше Якуба на десяток лет, либо жизнь его не пощадила, состарив раньше времени. Ростом, полагаю, ниже меня, с животом, который из последних сил удерживают пуговицы рубашки.

Его взгляд жадный. Разглядывает меня открыто, как товар. Он не скрывает, что я завела его танцем. А у меня щёки вдруг запылали от осознания своего воздействия на незнакомца. Только не от радости, а от ужаса.

Перевожу взгляд на Якуба. Его глаза говорят мне, что, если я моргну против его воли, он убьёт меня. На месте.

Хлопает ладонью себе по бедру. Будто я собака, которая тут же должна подскочить к ноге хозяина. Подавляю внутренний протест и опускаюсь к нему на колени. Он обнимает меня за талию, притягивая ближе. Дыхание замирает в груди, когда наши носы почти сталкиваются.

Пялимся друг на друга. Внизу живота разворачивается ураган. Сладко тянет.

Не могу разобрать, это моё сердце после танца не вернулось в привычный ритм или на меня так действует он. Ощущаю пульсацию в ушах и висках. Она заглушает все прочие звуки.

Только когда его товарищ настойчиво покашлял, я опустила взгляд, смутившись. Радуюсь тому, что моих пылающих щёк в полумраке зала не видно.

Так и сидела с широко распахнутыми глазами. Боясь признаться себе в одолевающих меня чувствах. Жаркая волна накрыла с головой, унося на дно. Облизала губы и бросила взгляд на столик. Мне нужно было что-то выпить.

Короткое платье сильно задралось, открывая вид на мои ноги, затянутые в сетку чулок. И вдобавок этот незнакомец раздевал меня взглядом, так что мне захотелось укрыться. Спрятаться. Что не ускользнуло от внимания Якуба.

– Дашь ей попользоваться? – спрашивает товарищ Якуба с сильным акцентом.

Его голос больше похож на лай собаки. Неприятный, царапающий слух. Я вздрогнула, осознав смысл вопроса.

Он продолжает смотреть на меня плотоядно. А я пытаюсь разгадать реакцию Якуба. Его челюсть плотно сжата. В полумраке мне видны напряжённые желваки. Очень медленно он переводит взгляд с моих острых коленей на своего собеседника.

Глава 14

Отвечает не на русском. Голос спокойный, ровный. Но на мгновение глаза его собеседника расширяются. Он бледнеет, принимается кашлять и тут же тянется к своему стакану.

А я дико сожалею, что не выучила язык на котором изъясняется муж моей сестры. Всё бы отдала, только бы узнать, что Якуб сейчас произнёс.

Придя в себя, мужчина поднял руки вверх, будто сдаваясь.

– Брат, да я пошутил, – улыбается заискивающе и тут же продолжает: – Ладная девочка. Но мы же оба знаем, что ты быстро потеряешь интерес. Как развлечёшься, сколько попросишь за неё? Куплю. Называй цену. Не хочу упустить.

Полагаю, Ямадаев не честь мою отстаивал. А свою собственность. Раз уж я его временная рабыня Изаура. Но он, в отличие от товарища, не планировал вводить пленницу в курс их диалога.

Вернул взгляд на меня, будто прицениваясь, какую сумму он может назвать. Какой ценник повесит. Взгляд замер на лишнюю секунду на губах, отчего пульс тут же ускорился. И в его глазах в этот момент я увидела столько эмоций, сколько не замечала за всё время нашего знакомства. Но лишь на короткое мгновение, спустя которое они вновь приняли пресыщенное, насмешливое

выражение. Продолжил путь ниже, к глубокому вырезу декольте.

Признаться, грудь у меня невыдающаяся. Но, судя по тяжёлому взгляду Якуба, его всё устраивает.

Но больше всего его интересовали именно мои ноги. Я боялась пошевелиться, потому что одно неловкое движение, и любой желающий сможет изучить трусики. Если пропустил что-то во время танца. Поэтому сидела, сжимая колени, которые так и норовили разъехаться в разные стороны.

– Не ёрзай, – процедил сквозь зубы у самого уха, обдав его горячим дыханием, задевая губами кожу. От этого невинного касания меня будто пробивает разрядом электрического тока. Покалывающие мурашки расползаются по телу. Замираю на его бёдрах.

Припечатал для верности мои ноги своей широкой ладонью. Пальцы оказались между бёдер, вызвав у меня временную остановку сердца.

Отчасти я догадывалась и надеялась, что он просто играет на моих нервах. Издевается. Ощущала это, замечая ухмылку, скользившую на его губах. Как же мне хотелось стереть её. Увидеть его боль. Его страх.

А с другой стороны, дико боялась, что сейчас он исполнит угрозу. Ведь у него нет никаких оснований щадить меня, пока он ошибочно полагает, что я женщина, по вине которой убили его брата и сестру. Он и не скрывал, что испытывает неприязнь ко мне, доходящую до отвращения.

Мои пальцы нервно сжимаются на его плече. Ощущаю жар в теле. И не могу распознать, это из-за нашей близости или из-за страха, пробирающего до костей.

Боюсь представить, что случится, если Якуб действительно меня ему продаст. Его так называемый друг вовсе не смахивает на джентльмена. И выглядит так, будто приобретение женщин для него привычное занятие. Всё равно что корову на ярмарке купить.

– И сколько, по-твоему, я стою? – так же, как и он секунду назад, шепчу.

Очень медленно он поворачивает голову. Смотрит мне в глаза с прищуром.

– Я забрал её у мужа. Если он не захочет принять после меня жёнушку, подумаю, может, отдам тебе, – произносит, следя за моей реакцией. Отвечая не мне, а мужчине.

От злости в ушах шумит всё больше. Вокруг народ развлекается и веселится. Я слышу залиvistый девичий смех, мужские голоса. У них нормальная жизнь, а у меня – подневольная. Ладонь чешется, хочется вlepить ему пощёчину и гордо уйти. Только меня никто не отпустит.

– Можешь на это не рассчитывать, – цежу сквозь зубы, – он никогда не оставит меня с тобой.

Почему-то мой ответ вызывает в нём ярость.

До боли сжимает мой подбородок, приближает моё лицо к себе, будто поцеловать хочет, но взгляд, полный ненависти, говорит о том, что у него иная цель.

– Что-то он пока не спешит за тобой, – его губы вновь растягиваются в зверином оскале. Демонстрирует белизну зубов, которыми хочет вцепиться мне в глотку. Пальцы спускаются ниже, к шее, слегка надавливая. Мне совершенно непонятны его действия, знакомые парни себе подобного никогда не позволяли в отношении меня. Но, к собственному удивлению, возбуждение становится острее. И, как бы ни неприятно мне было это признавать, я опасалась испачкать его брюки своими соками. – Может, и сама не захочешь возвращаться.

Как бы поступила Серафима? Близость мужчины и его воздействие на меня притупляют разум, физические потребности вытесняют здравые мысли. Я хотела поиграть с ним в игру. Соблазнить его. Но ведь моя сестра наверняка вела бы себя с ним иначе. Скорее, выколола бы глаза вилкой при первой возможности.

А стала бы она выполнять его приказы и танцевать? Нет. Вряд ли. Ведь я танцевала, чтобы он обратил на меня внимание. Доказать, что он не в силах меня унижить, как бы ни пытался. А ей подобное ни к чему.

– Мечтай, – произношу тихо. Слыша в своём голосе нерешительность.

Чем больше он говорит, тем сильнее меня пугает правда, которую я нахожу в его словах. Он, будто змей-искуситель, предлагает мне яблоко, взамен на которое он заберёт мою жизнь.

Ужасно хочется пить, а просить – нет. Остолоп не догадался, что после танца меня будет мучать жажда. Или мои подобные потребности его несильно заботили. Поэтому я молча протягиваю руку к напитку, стоящему на столе. С виду похожему на лимонад со льдом. Выпиваю почти залпом, испытывая облегчение и лишь позднее ощущая на языке горечь лайма, смешанную со вкусом алкоголя.

Он смеряет меня взглядом, приподнимая бровь, и подзывает одну из девочек, которая обслуживала столы. Никого из местных работников я тут не вижу. Весь персонал приглашённый. Она тут же к нам подскакивает, а он отдаёт указание повторить напиток.

Сам он не пьёт. Спить меня решил?

На сцену выходит новая танцовщица. Судя по её костюму, нам сейчас покажут восточные танцы. Якуб явно не даёт своим друзьям заскучать.

– Не ожидал от тебя, что ты покусишься на чью-то жену, – обращается к нему товарищ.

Наблюдает за нами цепким взглядом. Будто подмечая что-то. Ловлю себя на мысли, что его внешность может соответствовать содержанию.

– Она не просто чья-то жена. Она жена моего врага, – отвечает Ямадаев. Смотрю на него круглыми глазами. Что я сделала не так?

Глава 15

Сжимаю пальцы со всей силы на его плече.

Собеседник принимается заливисто смеяться, будто Якуб сказал что-то смешное. А я просто перевожу взгляд с одного на другого, ничего не соображая.

– У тебя столько врагов, Ямадаев, что из их жён можно гарем собрать. Эта киска чья будет?

Внутренности стягиваются в узел от отвращения и подступившей тошноты от того определения, которое он мне дал. Напряжённое сердце продолжает нервно трепыхаться в груди.

Становится жарко, лоб покрывается испариной.

– Не важно, – отвечает, явно давая понять, что тема закрыта.

Прикрываю веки, почти физически испытывая облегчение. Медленно выдыхаю воздух сквозь губы.

Руки трясутся от пережитого волнения, когда я вновь тянусь к напитку. На этот раз осознанно желая ощутить воздействие алкоголя на себе. Знаю, что мне опасно пить, но если я не расслаблюсь, то сойду с ума. Сестра давно заметила, что, выпив я теряю контроль. Чтобы опьянеть мне всегда хватало всего одного бокала шампанского, поэтому Серафима всегда следила чтобы я не перебрала со спиртным.

Мужчины почти забыли про меня, обсуждали что-то на своём языке, пока я рассматривала зал. Пыталась понять, есть ли тут знакомые лица. Может, кто-то из друзей Сабуровых, которых я могла заметить на мероприятиях, куда брала сестра.

Но нет. Когда встречалась с кем-то из мужчин глазами, тут же делалось не по себе. Они пялились на меня как голодные животные, заставляя ощущать себя голой. Обсуждали. Становились в очередь? Постоянный страх того, что Якуб исполнит угрозу, не давал дышать полной грудью.

Взгляд одного из них я чувствовала почти физически. Он пробирался не только под одежду, но и под толстый слой макияжа. Я смотрела на него, и его лицо казалось мне смутно знакомым. Но не уверена, что это не галлюцинация

возбуждённого алкоголем разума.

– Что с тобой? – будто откуда-то издалека доносится голос Якуба. Поворачиваю к нему голову и понимаю, что сильно перебрала. Мир расплывается, а я испытываю странное веселье.

Сколько я выпила алкоголя?

Понимаю, что он уже успел проследить направление моего взгляда. И когда увидела выражение лица Якуба, засомневалась в том, что сюда он пригласил сюда своих друзей.

– Ничего, – отвечаю, стараясь не смотреть больше на мужчину. А вдруг он узнал меня или принял за Серафиму? Вдруг догадается поговорить с Сабуровым? Ох... даже надеяться на подобное было страшно.

Если Якуб рассчитывал на то, что муж моей сестры всю занят её поисками, то зря. Уж я-то знала, что моей пропажи так скоро могут и не обнаружить. Только когда сестра поймёт, что я слишком долго не выхожу на связь. В том, что Владик решил, что я его кинула с поездкой в Грецию, я уже почти не сомневалась.

Якуб смотрит, недобро прищурившись. Не верит мне.

Встаёт вместе со мной с диванчика. Возникает ощущение, что пол сделался вдруг мягким, так и чувствую, как туфли проваливаются, будто в вате утопая. Якуб придерживая меня, притягивает к боку.

– Это тебя так от пары бокалов развезло? – удивлённо взирает на меня с высоты своего роста.

Цепляюсь за его пояс, прижимаясь. Пытаюсь устоять.

– Да, – отвечаю, чувствуя, что язык стал непослушным. – Куда ты меня ведёшь?

Растерянно замечаю, что он не выводит меня из дома в сторону жилища Хаят. Нет. Мы поднимаемся куда-то по лестнице. В его доме.

– В спальню, – отвечает коротко и скупно, не глядя на меня.

Кажется, меня ожидает сердечный приступ раньше, чем мне исполнится девятнадцать.

Мой мозг ещё несколько пролётов лихорадочно соображал, что может произойти в спальне. И я сильно сомневалась, чтобы Якуб вёл пленницу в гостевую комнату. А ещё подозреваю, что в кармане у него не банан затерялся.

Неловко пробую отстраниться, но он возвращает мою руку обратно. И его объятия превращаются в стальную хватку из которой не выбраться.

Я помню этот коридор и эту дверь. Его спальня. Ощущаю подступающую панику. Как теперь выбраться из этой западни?

Дёргает за ручку, заводит меня внутрь комнаты и прижимает своим телом к стене. Мне кажется, я ощущаю исходящий от его тела жар возбуждения. Сейчас он мало похож на здравомыслящего человека.

Есть в нём нечто звериное. Опасное. То, как он смотрит на меня. Будто я его цель, которую он должен достичь. Небольшое препятствие на пути к мести. Тело, которым можно воспользоваться и забыть.

Но самое паршивое, что этому самому телу всё равно. Оно остро реагирует на каждое его прикосновение. Задерживаю дыхание, когда его губы касаются моей щеки. Скользят вниз к шее. Он втягивает в себя запах моей кожи, и я понимаю, что теряю контроль. Хочу его, как никогда ничего не хотела.

Всё равно что получить на тарелке желанный десерт во время строгого поста. Желать его почти грешно. Больно. Стыдно.

Глава 17

– Не надо, – упираюсь ладонями ему в грудь в нелепой попытке отодвинуть от себя. Хотя сама задыхаюсь от желания. Оно жалит кожу, делая её

сверхчувствительной. Становится вдруг жарко, несмотря на то, что в комнате прохладно. Хочется избавиться от раздражающей одежды.

Он не слышит меня. Или его просто не волнует мой протест. Вместо ответа раздаётся треск расходящихся на платье заклёпок. Ткань падает на пол, и я с ужасом осознаю, что впервые в жизни стою в одном нижнем белье перед мужчиной. В вульгарном и дешёвом.

Почти сдаюсь его атаке. Его рукам, что исследуют моё тело.

В голове копошатся предательские мысли. Что будет, если я ему отдамся? Он посчитает, что сломил сопротивление моей сестры. Но ведь это не так, и когда-нибудь он узнает правду. Скоро.

А ещё мне хочется нежности и поцелуев. Почему он не целует мои губы? Ведёт себя как голодный зверь, набросившийся на добычу. Лёгкую добычу. Слабую.

Рассматривает мою грудь, спрятанную в бюстгальтер в красных пайетках. Его было бы видно всем в зале, сними я платье. Соски ноют, трутся о ткань, доставляя почти физическую боль.

Поддевает указательным пальцем одну из лямок. Спускает с плеча, глядя мне в глаза. Ловким движением расстёгивает, и он падает вниз. К платью. Я замираю, когда он принимается изучать мою грудь. Накрывает её ладонью, заставляя задохнуться от нахлынувших чувств. До полубмороза. Коленки слабеют, я царапаю ногтями его рубашку, боясь не устоять. На ногах и перед ним.

Сжимает пальцами сосок, доставляя боль и причиняя удовольствие. Глаза закатываются от странного, порочного наслаждения, когда его губы втягивают сосок. Откидываю голову, упираясь макушкой в дверь. Пьяная. Тело непослушное, разморённое.

Якубу откуда-то хорошо известно, как меня касаться, чтобы сделать ещё безвольнее. Опускает тонкие ниточки трусиков под ягодицы. Сжимает зад ладонями, подтягивая к своему паху, чтобы я оценила размер его возможностей. И его «возможности» вызывают нелепый щенячий восторг в груди.

Отрезвление приходит мгновенно и болезненно, врезаясь в голову барабанным стуком по двери. Таким сильным, что, кажется, петли вот-вот вылетят.

Я вздрагиваю, будто избавившись от морока. Смотрю на Якуба.

В его зрачках пустота. Та самая, которую я заметила в день знакомства. Иногда думала, он человек. С чувствами, эмоциями. А не только с физическими потребностями. А сейчас я видела перед собой бездушное существо. И я для него не человек, а расходный материал. Способ пробраться в грудную клетку к своему врагу и оставить в ней заточенный клинок.

Мне становится тошно от собственной слабости, от неопытности.

Он не желает меня, а хочет просто поиметь. Осознание этого вызывает глупые слёзы, кусаю нижнюю губу и опускаю взгляд, чтобы он не прочитал в нём обиду.

Отрывается от моего тела, упирается ладонями в стену по обе стороны от моей головы. Дышит резко, сверля на меня тяжёлым взглядом, и обращается к тому, кто за стеной. Я не сразу услышала, но теперь поняла, что его звали. И интонации у того, кто за дверью, напряжённые. Я бы даже сказала, испуганные.

В этом диалоге голос Якуба изменился, став раздражённым. Злым. Его оторвали от десерта, который он для себя приготовил. Разогрев до нужной кондиции.

Догадываюсь, что теперь ему нужно как можно скорее вернуться в форму и разобраться с возникшей проблемой.

– Отсоси мне, – доносится до меня его хриплый приказ, окончательно разрушающий мою наивность. Кладёт ладонь на моё плечо, подсказывая направление.

Ему нужна разрядка. Быстрая, чтобы мгновенно отпустило. Почему бы не использовать для этого мой рот.

Рука летит к его щеке стремительно. Он даже не сразу сообразил, что произошло. Жаль, что от соприкосновения с его небритой щекой мне явно больнее.

– Сам себе отсасывай, – шиплю, толкая Якуба в грудь, пробуя вырваться из заточения его рук. Бесполезно.

Смотрит удивлённо, пресекая мои трепыхания. Будто то, что он попросил меня сейчас сделать, – в порядке вещей. Убери навоз, покорми курочек, сделай хозяину минет.

От злости тело начинает колотить.

– Глупая Китекет, ты забыла, что я могу свернуть тебе шею прямо сейчас? – наклоняется к моему лицу, вглядываясь в глаза. Обхватывает жёсткими пальцами подбородок, приподнимая выше.

– Так сверни. Уж лучше сдохнуть!

Его рука опускается к моим трусикам, всё ещё нелепо опущенным на бёдра. Пальцы касаются промежности. Там до сих пор горячо и влажно. Скользко. Смотрю на него круглыми глазами, когда он подносит эти же пальцы к носу. Втягивает запах, вызывая у меня глубокий шок и причиняя почти детскую травму.

– Удивительно, а пару минут назад ты была готова сама меня оседлать, – ухмыляется и вытирает пальцы о парик.

Стыд такой горячий, красный, что почти достигает температуры кипения. Ещё чуть-чуть, и я взорвусь.

Он не даёт мне вырваться, и мне никуда не спрятаться, не уткнуться лицом, только бы он не видел его выражения. Сейчас алкоголь уже не помощник.

– Может, я представляла кого-то другого на твоём месте! – выдаю без лишних размышлений, и только после сорвавшихся с губ слов понимаю, о ком он наверняка подумал.

Его глаза тут же из насмешливых, самодовольных становятся стеклянными.

Глава 18

Смеряет меня взглядом, от которого тут же становится холодно. Ёжусь, прикрывая грудь. Он полностью одет, собран, разве что на рукавах немного помята рубашка, и стоять перед ним почти обнажённой, за исключением символических трусиков, то ещё испытание.

– Что-то твой муженёк не спешит тебя забрать. Может, и не нужна ты ему больше? Зная его, он, наверное, уже нашёл тебе замену.

Моему мозгу понадобилась секунда, чтобы наложить слова Якуба на отношения сестры. Если бы пропала она и Рат знал, у ворот этого особняка уже стояла бы целая армия. Увы, я настолько сильно никому не дорога.

– Может, и не нужна. Может, и нашёл, – склоняю голову набок, лукаво его рассматривая, – тогда, выходит, зря ты меня похитил. Может, отпустишь?

Снова щурит свои синие глаза. Недобро. Дразню льва, но удержаться от колкости не в состоянии. Что-то внутри будто подстёгивает меня бросаться в бой с ним.

– Не переживай. Я найду тебе применение, – снова его фразы построены так, будто я неживое существо. Мебель. Вещь.

Мне хочется вновь заехать ему по нахальной физиономии, стереть высокомерное выражение с его лица. Мужчины, считающего себя царём зверей. Человека, заставляющего почувствовать себя цирковой обезьянкой.

– Ненавижу тебя, – огрызаюсь сквозь стиснутые зубы, веря в правдивость собственных слов на сто процентов. Без какой-либо погрешности.

Ухмыляется.

– Взаимно, – отстраняется от меня, поправляя одежду.

Приходится приложить титанические усилия, чтобы не посмотреть на его ширинку. Наблюдаю за тем, как он скрывается в ванной комнате, и позволяю своему воображению пуститься в пляс. Догадываюсь, что он там делает. Рука ему в помощь.

После того как возбуждение схлынуло, ощущаю образовавшуюся в груди пустоту. Если бы у нас был секс, она увеличилась бы до размеров чёрной дыры. Надо держать свои чувства в узде. Но они пробиваются, как сорняки через асфальт.

Скоро моё захватывающее «приключение» закончится, и он больше никогда ко мне не приблизится.

Опускаюсь на корточки, собирая свой нелепый наряд. Стыд жалит щёки. Спиртное уже испарилось из организма. Едва натянула платье, как дверь ванной распахнулась. Недолго он...

Вернулся собранный. Задумчивый.

Бросает в мою сторону перед уходом последний взгляд, будто и забыл о моём присутствии.

- Жди меня здесь. Ослушаешься - накажу.

Как, интересно, накажет? Попытается изнасиловать или напоит и воспользуется моим состоянием?

Чёрта с два я буду дожидаться льва в его логове.

Но всё же, перед тем как выйти, решаюсь осмотреть его комнату внимательнее. Вдруг тут где-то есть запасной сотовый. Как жаль, что стационарные телефоны почти перестали устанавливать в домах.

Некоторые шкафы оказались заперты. Да и вряд ли он оставил меня тут со средством связи. Лишь запароленный ноутбук валялся на тумбочке.

Дёргаю ручку двери. Не заперто. Только вот как я выйду из дома в таком наряде? Даже в зеркало смотреть на себя стыдно, не то что появиться перед очами Хаят.

Конечно, это некрасиво – брать чужие вещи, но и моего разрешения на похищение никто не спрашивал. Открыла гардероб Якуба, пытаюсь понять, что из его одежды может прикрыть мою полуобнажённую плоть, и взяла первый попавшийся пиджак. Утопаю в нём, зато он полностью скрывает мой наряд и меня почти до самых колен.

Принюхиваюсь, обнаруживая себя в облаке запаха хозяина пиджака. На секунду опускаю веки, втягивая его глубже. Лёгкое возбуждение накрывает вновь, потому что в голове взрывается флэшбек наших объятий и моего неприличного поведения. Хлопаю себя по щекам, пока разум не возвращается.

Насколько я успела изучить дом, выходов из него всего два. Один тот, через который Якуб привёл меня, – чёрный ход. И второй – центральный.

Решаюсь разведать обстановку. Если что, вернусь обратно.

Крадучись выхожу из спальни, стараясь не шуметь. Но, как назло, где-то в коридоре слышу, как отворяется дверь. Сглатываю слюну, ощущая неконтролируемый страх. Кто знает, чьи призраки живут в этом доме. Впрочем, имена двух из них я могу назвать. Убитые брат и сестра Якуба.

И действительно, из комнаты появляется тёмный силуэт. В полумраке коридора не сразу соображаю, что это бабушка Якуба. Делает шаг в мою сторону. Рассматривает своими чёрными, полными ненависти глазами.

Мне почему-то кажется, что она способна наброситься на меня прямо здесь и выклевать глаза, как ворона. Но нет. Она заходит обратно к себе в спальню, хлопая дверью. Подозреваю, женщина видела или слышала, как внук поднимается с кем-то в свою комнату. А теперь убедилась в том, что угадала, кто составлял ему компанию.

Поняв, что угрозы больше нет, торопливо, босыми ступнями перебираю лестницу и выбегаю через главный ход. Почти никто из гостей ещё не разъехался. Автомобили так и стоят на придомовой территории. А небо уже потихоньку из

кромешно-чёрного принимает оттенок синевы. Прямо как глаза Якуба.

Я добежала до дома Хаят, но входная дверь оказалась запертой. Как же так? И где мне спать? Стучу, но никто не открывает. Бежать обратно в большой дом совсем не хочется. Обойдя жилище, понимаю, что окно в комнату, где я спала, закрыто. Не залезть. Бросаю камушек в надежде, что дочь Хаят услышит. Но, похоже, они обе спят как убитые.

Устало прислоняюсь к стене. Ночь выдалась долгой. Глаза слипаются, и кажется, если прикрою их, так и усну стоя.

На улице тепло. И пришедшая в голову идея переночевать в конюшне вызывает куда меньше отторжения, чем возвращение к синеглазому жеребцу.

По крайней мере, конюшню содержали в чистоте, видно, кое-кто любит лошадок.

К тому же до рассвета осталось всего ничего. А там и Хаят проснётся. Только сперва решаю проведать собаку, жаль, еды с собой нет.

Пёс будто не спал, ждал кого-то. Следил за моим приближением грустными глазами, в которых я видела море тоски. От предательства бывших хозяев, тех, кому больше всех доверял.

Присаживаюсь на корточки рядом и осторожно поглаживаю его между ушами.

– Я понимаю тебя, поверь, – обращаюсь к нему, – меня тоже выбросили самые близкие люди.

Нижняя губа то ли от жалости к себе, то ли к собаке начинает подрагивать. Из-за усталости эмоции так и лезут наружу. Беру себя в руки из последних сил. Не время плакать.

– Буду звать тебя Мухтаром, – решаю, вставая на ноги. – Мне пора.

Но пёс вдруг поднимается на лапы. Большой и мощный, вселяющий страх. И я бы испугалась, не заметь его виляющий хвост.

– Ты хочешь со мной? Тебе нельзя в конюшню. Давай ты побудешь здесь, а я завтра приду? – пытаюсь вразумить его, но стоит мне отойти, как он на трёх лапах преодолевает разделявшее нас расстояние. Одна лапа приподнята.

Тычется мне мокрым носом в ладонь. Чтобы погладила.

Погружаю пальцы в густую шерсть на холке.

– Дружочек, если напугаешь или покусает лошадей, то меня пустят на колбасу, понимаешь?

Стоит на месте, будто сообразил, о чём речь. Я ушла от него, оборачиваясь, а он так и стоял. Смотрел, как я ухожу. Ощутила муки совести. Вдруг он думает, что я больше не приду?

Устроилась в углу конюшни. Как в прошлый раз. Села спиной к стене и вытянула ноги. Глаза закрывались сами собой, и мне уже стало всё равно, где спать. Медленно сползла на землю и уткнулась во что-то пушистое, мягкое и тёплое. Даже не заметила, как собака сюда пробралась. Гнать не хотелось. Да и не справилась я бы с ним. Упрямый.

– Любишь ты ложиться под кавказцев, Пирожок, – вытаскивает меня из сна знакомый голос.

Глава 19

Солнце, пробираясь в конюшню, жалит глаза, и я с трудом могу рассмотреть мужчину.

Неуклюже приподнялась. Щурюсь. За ночь в одной позе тело заостенело, и теперь его ломало. С ужасом подумала о том, что скоро нужно будет возвращаться к тяжёлой работе, а я едва способна повернуть голову. Рядом валялся парик, который, должно быть, стянула во сне вместе с шапочкой. Волосы распустились по спине и падали на лицо.

Силуэт Якуба, стоявшего в паре шагов от меня, освещался лучами солнца. Ангел возмездия, не иначе. Замечаю, что на нём та же одежда, что была вечером. Значит, он только вернулся и обнаружил моё отсутствие. Лишь в это мгновение поняла, что могло прийти в голову Якубу, когда он не нашёл меня в доме Хаят.

Пёс за ночь будто и не пошевелился. Но сейчас, когда я проснулась, зарычал на незваного гостя. Почти неосознанно погладила пса, и он успокоился. Однако скалиться не перестал.

- Ты исключение, - дерзко отвечаю Ямадаеву, совершенно забывая о самосохранении. О том, что стоит быть хитрее и изворотливее.

Но он пробуждает во мне всё самое плохое, поднимая из глубин моей сущности всё, что я пыталась в себе подавить. То, что всегда напоминало отцу о моей матери.

Добрая, милая и отзывчивая девочка в его присутствии пропадает. Я не планировала скрывать отталкивающую грань своего характера от того, кто похитил и держит силой. И намеренно выводит из себя своими оскорблениями, которые даже близко не связаны с реальностью.

Представляю, как отвратительно выгляжу после ночи сна на собаке, в конюшне, с боевым макияжем на лице.

- Полагаю, единственное, - отвечает холодно. И смотрит на меня могильным взглядом.

До меня доходит очень медленно. Слишком медленно. Как он меня назвал? Я же не ослышалась? Пирожок? Вот чёрт!

Страх холодным осадком падает на дно желудка. Мало того, что моё сообщение не попало к адресату, теперь и похититель знает, что его жертва пыталась кинуть весточку «мужу».

А ведь Якуб и без того, скорее всего, накажет меня. Как и обещал перед уходом. И в его глазах я нахожу ответ. Обязательно накажет.

– Поднимайся, – приказывает, рассматривая свой пиджак, будто не сразу сообразив, что я стащила его одежду. Хмурится. Конечно, за ночь в конюшне он вряд ли сохранил благоухание дорогого парфюма Якуба.

Пёс наблюдает за нами. Никогда не натравливала животных на людей, но сейчас резко захотелось. И Якуб словно понимает моё желание.

– Пристрелю, – сообщает коротко и ясно. Не сказал кого, но полагаю, нас с Мухтаром по очереди. И не сомневаюсь, что он вполне на это способен.

Пuls стучит в ушах. Боюсь своего похитителя. И остаться без защиты пса – тоже.

Но всё же понимаю, что если Якуб ко мне подойдёт, а он явно настроен, то собака бросится на него. Ведь не по головке он будет меня поглаживать. Прибегут люди Ямадаева, и если с их хозяином что-то случится, меня сожгут на костре.

Смотрю в его глаза, словно в дуло пистолета. Будто, если сделаю лишнее движение, он меня точно пристрелит. Хотя пока оружия в его руках не наблюдаю. Взглядом убьёт на месте.

– Обещай, что не обидишь собаку, – выставляю требование, как террорист на переговорах. Не отпущу Мухтара, если пойму, что ему грозит опасность.

Якуб смотрит на меня несколько долгих секунд. И едва заметно кивает. Выдыхаю.

Опускаюсь на корточки между Якубом и собакой. Поглаживаю пса по густой шерсти. Настоящий исполин. Статный, мощный. Даже хромой и слабый, он внушает страх.

Не знаю, выбрал ли он меня своей хозяйкой, либо решил отдать долг чести, но не сомневалась, что он порвал бы любого в клочья. Ради меня. Сейчас.

– Всё в порядке, малыш, – ласковым голосом пытаюсь успокоить напряжённое животное, провожу рукой по шее, – это друг. Всё хорошо.

Но сама не верю своим словам, и он не верит. Поднимаюсь и, не глядя на мужчину, прохожу мимо, выходя из конюшни. Сама не знаю почему, но на глаза наворачиваются слёзы. Боюсь, что Якуб не сдержит обещание и убьёт животное. Да и с чего бы ему слушать мои просьбы.

Вытираю украдкой слёзы, провожая пса к тому месту, где он спал. И на этот раз прошу животное не идти за мной. Сидеть. Эту команду он узнает.

Оборачиваюсь, чувствуя, как спину прожигает взгляд синих глаз. Конечно, Якуб шёл за нами. Но оставался на расстоянии. Теперь с трудом заставляю себя подойти к нему.

Смотрит на меня. Выражение лица не становится добрее.

Сжимает мою руку чуть выше локтя в стальные тиски своих пальцев. Я всхлипываю от боли. Он притягивает меня ближе к себе, так что мне приходится приподняться на носочки. Нежная кожа босых стоп царапается о гравий под ногами. Прикусываю губу.

Боковым зрением замечаю людей, которые с любопытством за нами наблюдают. Почему-то испытываю стыд, что со мной вот так обращаются. Непозволительно. Грубо.

А сама ощущаю, как моего похитителя трясёт от злобы. Она настолько сильная и мощная, что её вибрация доходит и до меня.

Стоит нам переступить порог его жилища и закрыть дверь, как он бросает меня в стену и тут же, сжимая мои плечи, приподнимает вверх. Ноги болтаются в воздухе, пока я, ошарашенная его бешенством, хватаюсь за его предплечья.

– Сука, как мне хочется тебя убить, ты бы знала, – с каждой секундой пальцы всё сильнее впиваются в плечи, причиняя боль, пронзающую до самых костей.

За что? За то, что я совершила попытку связаться с близкими? За то, что покинула его спальню? За то, что не нашла иного места для ночлега, чем конюшня?

– Что я сделала? – тихо пишу, наблюдая за тем, как тяжело он дышит. Словно действительно сдерживается из последних сил.

Глава 20

– Я слишком добр с тобой. Ты не понимаешь по-хорошему.

Ослабляет хватку, возвращая мои ноги на твёрдую поверхность. Мне совсем не нравится его взгляд. Дикий. Одержимый. Жуткий в своей животной сущности.

Больше глаз, в которых полыхает пламя, меня пугают его слова. И руки, перемещающиеся с плеч к шее. Широкая ладонь плотно прилегает к ней. Пальцами будто прощупывает грань, ту точку, где моё дыхание прерывается. Надавливает сильнее, и я тут же хватаюсь за его запястье, ощущая непреодолимый страх смерти. Бессилия рядом с ним. Точно лечу в боинге, стремительно теряющем высоту. От меня ничего не зависит. Я в его руках.

Чувствую окружающую среду лишь тактильно. Подушечки моих пальцев касаются его плотного, увитого мышцами предплечья и кисти, покрытых жёсткими волосами. Горячей кожи с пульсирующими под моими пальцами венами, по которым стремительно движется кровь. Эта пульсация отдаётся во мне, бьётся в горле. Перед глазами сначала краснеет, а затем, словно в эту красноту капнули чернилами, темнеет.

Когда мой страх достигает до пика, он разжимает пальцы. Я дышу задыхаясь. Не потому, что мне не хватало воздуха. Или от боли. А потому что испугалась. И, к своему стыду, от которого волосы становились дыбом, я испытала возбуждение. Оно скатилось жаркой волной в трусики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://telnovel.me/rahmanina_elena/ukradu-tvoyu-zhizn

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)